

КАПИТАН ДАНРИ

АВИАТОР
ТИХОГО
ОКЕАНА

Классика приключенческого романа

Капитан Данри

Авиатор Тихого океана

«Public Domain»

1910

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Данри К.

Авиатор Тихого океана / К. Данри — «Public Domain»,
1910 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03459-6

Под псевдонимом Капитан Данри публиковал свои фантастические «военные сценарии» известный французский военный и политический деятель подполковник Эмиль Огюст Сиприен Дриан (1855–1916), герой Первой мировой войны и талантливый беллетрист. Сын нотариуса, учился в лицее в Реймсе, закончил престижное военное училище Сен-Сир, лейтенант пехоты. С 1884 г. в Африке был адъютантом генерала Буланже. Став его зятем, сделал успешную военную карьеру, дослужившись до генерала. Погиб в знаменитом сражении Первой мировой под Верденом. События романа «Авиатор Тихого океана», публикуемого в данном томе, происходят в начале XX века. Остров Мидуэй осажден японскими крейсерами. Нарушена всякая связь с материком. Американский гарнизон находится на краю гибели. Но бесстрашный француз, чудом спасшийся с тонущего корабля, предлагает совершенно неожиданное решение.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03459-6

© Данри К., 1910
© Public Domain, 1910

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Капитан Данри

Авиатор Тихого океана

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Глава 1

Японская торпеда

– Словом, дорогой инженер, что же вы предпочитаете – аэроплан или дирижабль?
– Аэроплан, сэр Арчибальд, без сомнения, аэроплан! В нем простота, в нем скорость и за ним, следовательно, и будущность!

– Но в нем таится падение и неминуемая смерть в случае поломки мотора.

– О! Поломка мотора... Прежде всего число несчастий постепенно уменьшается. В настоящее же время моторы достигли почти такого же совершенства, как и паровые машины.

– Правда, мы видели на пробных полетах аэропланов в истекшем году, что они держались в воздухе по тридцать часов: прекрасно! Мы ушли далеко вперед от тех блужданий ощупью и опытов, которые окончились переправой Блерио через Па-де-Кале и опытом Лессепса.

– Затем, – продолжал инженер, – несчастия будут предупреждаться парашютами, моментально надувающимися баллонами, крыльями планера, – все это даст авиатору возможность отделиться от своей машины и спокойно спуститься в стороне.

И, стоя на мостике вахтенного офицера, молодой француз вытянул руки и сделал летательный жест. Веселый смех его собеседника, лейтенанта Форстера, прорезал ночную тишину.

– Тем не менее, милый Рембо, вы повезли в Мидуэй дирижабль.

– Да, за неимением лучшего. Если бы у меня была возможность построить и испытать аэроплан, набросок которого у меня в кармане, то дела вашего правительства пошли бы совсем иным путем, уверяю вас! Но это еще не ушло от нас, ибо я рассчитываю...

Неожиданное движение американского офицера, схватившего его за руку, прервало разговор.

Вытянув шею по направлению к носу пакетбота, офицер сказал:

– Вы не видели, как что-то промелькнуло?

– Судно?

– Да, там... у правого борта! Мимолетная тень, что-то очень низко над водой.

– Далеко?

– В пяти- или шестистах сотнях ярдов. В такую темную ночь очень трудно определить расстояние.

– Во время нашего разговора я парил в воздухе и не видел ничего на воде.

Опершись на бак, оба молодых человека вглядывались в темноту, и некоторое время слышалось только медленное и правильное дыхание машин и плеск волны, разбивающейся о борт корабля.

– Судно без огней, среди Тихого океана, – бормотал инженер – это невероятно!

– Лишь бы...

– Подождите, сэр Арчибальд, я угадал вашу мысль: лишь бы это судно не было японским!

– Вы угадали, и это можно было видеть в Порт-Артуре. Для этих проклятых япошек не существуют ни морские уставы, ни международные права. И я не могу забыть всего того, что я видел за последние недели в Сан-Франциско, не могу забыть их ненависти к нам, их, по-видимому, часто являющееся желание наложить руку на Гавайские острова еще до войны, отныне неизбежной. Эти острова служили бы для них бесподобным пунктом на полпути между двумя материками.

– Точно так же, как для вас, американцев, они представляют важнейшую точку опоры и грозное передовое укрепление – против японцев.

– Да, грозное, если бы этот Гавайский архипелаг представлял собой что-либо иное, а не японскую колонию. Но мы там буквально оттеснены этой плодovitой и трудолюбивой расой,

милый Рембо! Знаете ли вы, что на одного белого там приходится шесть желтых, что сахарное производство почти всецело в их руках и что они собираются на всех наших островах в столь же замкнутые, сколько и многочисленные ассоциации! Если бы мне сказали, что они сформированы в полки – я бы нисколько не удивился. И когда правительство пришлет из Токио оружие этим гадам, копошащимся в Гонолулу и на всем архипелаге, тогда они бросят нас в море, даже не предупредив нас об этом.

– Ах! Теперь и я, сэр Арчибальд, увидел там что-то, но с левого борта...

– Видите, мне не померещилось... Нужно сейчас же предупредить командира!..

Лейтенант перегнулся через бак на мостике.

– Вильсон! – позвал он.

Матрос не откликнулся.

– Командир, вероятно, в каюте? – сказал инженер.

– Да, он, должно быть, отдыхает, так как примет вахту в полночь.

– В таком случае не зовите – я иду к нему сам.

И молодой француз ловко спустился по винтовой лестнице, соединявшей палубу с мостиком вахтенного офицера, между тем как его собеседник, старший офицер на «Макензи», следил широко открытыми глазами за таинственной черной тенью, которая рисовалась в его воображении, на гребне темных волн, в виде надводных частей судна и двойных труб паровых крейсеров...

* * *

«Макензи» представлял собой красивое и большое судно, совершающее правильные рейсы между Сан-Франциско и Йокогамой.

Оно не принадлежало к числу тех морских собак, с огромными, как на фабриках, машинами, доводящими скорость движения до 24–26 узлов – это был один из прочных пароходов, не загроможденных котлами и двигателями и которые могут поэтому вместить в своем обширном чреве весь сахар и сахарный песок гавайских плантаторов, ананасные консервы и груды бананов, составляющих богатство островов, а также покупаемую японскими арсеналами нарасхват сталь «общества железных изделий в Гонолулу».

Нормальная скорость судна, от 15 до 18 узлов, была еще сокращена до 11, наложенным на него обязательством не отделяться от двух больших парусных лодок, нагруженных углем и получивших приказ следовать в виду судна. Обе лодки – «Канадец» и «Бонавентура» – можно было видеть: одну на расстоянии не более полумили и вторую рядом, в струе за кормой первой, обе с зажженными огнями.

Маленькая эскадра вышла из Сан-Франциско по направлению к острову Мидуэй – самому западному из цепи островов, образующих группу Гавайских, или Сандвичевых. Еще неизвестная большинству мореплавателей, эта каменная гряда является последней в архипелаге, расположенном между 157° и 178° западной долготы и представляющем как бы ожерелье длиной в 2500 километров. Самый большой камень этого ожерелья – знаменитый вулкан Мауна-Лоа – достигает 4200 метров высоты, а самый маленький – остров Мидуэй – представляет собой простой утес, выдающийся не более как на 40 метров над уровнем воды. Но этот утес Мидуэй волею Соединенных Штатов превращен в перворазрядную крепость, охраняющую самые значительные склады угля в этих местах. За последние месяцы с лихорадочной поспешностью старались вооружить эту крепость для того, чтобы в случае войны обеспечить американский флот запасами топлива в двух тысячах милях от Йокогамы.

«Макензи» не заходил в Гонолулу – главный порт архипелага – и должен был посетить его только на обратном пути для того, чтобы захватить там груз сахара. Он находился в плавании

в продолжение двенадцати дней и в вышеописанный вечер был только в нескольких милях от места своего назначения.

Все три судна шли замедленным ходом для того, чтобы ориентироваться днем среди рифов, образующих у Мидуэя ряд подводных камней.

Груз на «Макензи» состоял не только из угля. В его камерах хранилось еще значительное количество ядер для шестнадцатидюймовых пушек, зарядные ящики и все принадлежности дирижабля, выпущенного три месяца тому назад из французских мастерских Муассона.

С тех пор как были сделаны опыты с аэростатами, правительство в Вашингтоне не нашло ничего лучшего, как дирижабль, для поддержания сообщения между Гонолулу, большими островами и этим незаметным утесом Мидуэя, неожиданно приобретшим такое важное значение.

Это значение еще увеличивалось прокладкой через Тихий океан кабеля. И в самом деле, здесь последний пункт, где показывается над поверхностью воды, прежде чем направиться в Азию и к Филиппинам, бесконечная проволока в восемь тысяч миль длиною, устанавливающая моментальные сношения между тремя материками.

Но этот кабель может быть перерезан, и это, несомненно, будет сделано при первом призыве к войне. Что касается беспроволочного телеграфа, то он был бы в полной зависимости от первого, пущенного из открытого моря, снаряда, который разрушил бы его мачты. Для дирижабля, наоборот, бомбардировка совершенно неопасна, так как у подножия утеса Мидуэя, сама природа образовала обширную расщелину – прекрасный ангар, предназначенный сначала для хранения угля, но затем натолкнувший на мысль снабдить архипелаг машиной, которая наблюдала бы за обширными пространствами Тихого океана и служила бы для сообщения между разбросанными островами.

Французскому инженеру Морису Рембо было поручено доставить дирижабль американским властям и сформировать экипаж для маневрирования.

Молодой человек, еле достигший тридцати лет, окончил Центральную школу и страстно любил все относящееся к аэронавтике. Он провел пять лет в мастерских Лебоди и был в восторге от возложенной на него миссии. Ибо это поручение было прежде всего связано с крайне заманчивым путешествием в то время, когда на воде возникали недоразумения между Японией и Калифорнией, затем предстояли опыты и полеты на известном расстоянии от самой маленькой точки необъятного океана. Все это заранее было окутано в его глазах глубокой поэзией.

Это был красивый, плотный юноша, среднего роста, со смелым взглядом и очень молодой, несмотря на светлую, шелковистую бороду, которой он позволил свободно расти во время путешествия. Его большие светло-голубые глаза, то подернутые кротостью, то оживленные любопытством, придавали его лицу выражение какой-то удивительной подвижности. И его можно было бы принять за белокурого гота, если бы он сам не напоминал постоянно, что он уроженец французской Лотарингии и любит больше всего родной город Нанси.

И здесь-то, при виде паривших над этим городом первых дирижаблей, посланных сюда как передовой пограничный караул, дирижаблей: «Родина», «Республика», «Город Париж» и «Город Нанси» – здесь в нем зародилась настоящая страсть к приобретению знаний, необходимых для завоевания воздуха. И с тех пор, как эта наука, подвигаясь гигантскими шагами, прибавила к уже устаревшей аэростатике новые чудеса авиации, Морис Рембо мечтал побить все известные до сих пор рекорды и, оставив далеко за собой все подвиги Блерию, Латама, Фармана, Райтов и Поланов, поставить окончательно на первое место Францию. Отправляясь на Сандвичевы острова, он был очень далек от мысли, что события скоро предоставят ему возможность побить беспримерный рекорд.

* * *

Когда он поднимался вслед за командиром «Макензи» – старым морским волком, бросавшим какие-то непонятные фразы по адресу «этих проклятых япошек», Морис Рембо должен был пройти мимо лодки своего дирижабля, лежавшей на палубе. Он машинально осмотрел все снасти, как делал это каждое утро. Лодка была прикреплена тросами к обшивке судна и прикрыта непромокаемым брезентом, производя во мраке впечатление челна примитивного устройства, в котором нельзя различить где нос и где корма.

Что касается оболочки дирижабля, сложенной на его остоле и окруженной многочисленными снастями для удерживания его – то ее удалось поместить под крышей, в трюме, над зарядными ящиками. Она была здесь под влиянием равномерной, довольно низкой температуры, поддерживаемой в этом опасном месте ледником, предназначенным для сохранения от порчи селитряных продуктов, составляющих основную часть современных взрывчатых веществ. В трюме находились также многочисленные сосуды со сжатым водородом с запасом, необходимым для наполнения дирижабля.

Совершив осмотр, инженер, обойдя лодку, направился вдоль абордажных сеток, и в это время внимание его было привлечено скрипом блока. Он остановился. Шум раздавался от одной из висевших лодок, от шлюпки левого борта.

Странное дело, эта лодка – маленькая сторожевая шлюпка – спускалась медленно и сама собою со своей шлюпбалки, и это движение производило в темноте такое фантастическое впечатление, что француз подошел близко. Вдруг фигура, сидевшая там на корточках и возившаяся со снастями, на которых висела шлюпка, выпрямилась и сделала резкое движение рукой. Одновременно один из сложных блоков, поддерживавших нос лодки, опустил свой лопарь и человек, висевший на кронбалке, так как шлюпка держалась на одной корме – обрисовался во весь рост. С голым торсом, в коротких штанах, с темным поясом, он держал в руке топор, лезвие которого сверкнуло в темноте, когда он готовился перерубить второй канат.

Но он промахнулся и выпустил свой топор, упавший на палубу в нескольких шагах от Мориса Рембо.

Последний бросился вперед с криком: «Командир!» Но он не успел удержать таинственную личность, которая, вне всякого сомнения, воспользовалась замедленным ходом пакетбота для того, чтобы попробовать бежать в одной из бортовых шлюпок. Спустив шлюпку, на которой он висел, человек тут же бросился в море, и инженер, перегнувшись над абордажной сеткой, казалось, видел его плавающим в струе, образовавшейся от винта за кормой.

Что означала эта попытка к бегству? Инженер не терял времени на решение этого вопроса и поспешил к лестнице, ведущей на мостик. Но когда он явился туда, странный шум заставил его поднять голову. Сильный шелест пронесся среди ночи над судном, послышался удар от падения тяжелого тела в воду на недалеком расстоянии и внезапно яркий свет указал место падения. Сильный источник света, казалось, бил из глубины волн, точно в этом месте открылся маленький кратер вулкана. Все это происходило так близко, что слышен был шум газа, исходящего из невидимого жерла. Сходни, весь корпус «Макензи» был освещен, как среди белого дня. Командир американского парохода прорычал какое-то страшное проклятие и поспешил к рупору, служившему для него сообщением с целым судном.

– Все наверх! – гремел он в отверстие. Затем, повернувшись к старшему офицеру, сказал: – Зарядите ваши пушки, Форстер!

– Мы окружены японцами, господин командир! – воскликнул лейтенант. – Только у них имеются эти ацетиленовые снаряды. – И он дал несколько коротких и пронзительных свистков.

На пароходе поднялась суматоха, со всех сторон появились полураздетые матросы.

– Откройте пушки! – кричал лейтенант.

– И вы, Пири, живее к снарядам!

Морис Рембо хотел поделиться с обоими офицерами странным происшествием, свидетелем которого он был, но внимание командира «Макензи» было всецело поглощено его парходом. Он вглядывался в темноту для того, чтобы найти таинственное судно, которому они были обязаны этим неожиданным освещением.

Не могло быть никакого сомнения и сэр Арчибальд Форстер был вполне прав: этот ацетиленовый снаряд был японского происхождения. Этими новыми снарядами, предназначенными для замены при известных обстоятельствах электрических прожекторов, обладающих важным неудобством обнаруживать судно, носящее его, снабжены исключительно флот микадо и Вильгельма II.

Наполненные карбидом, но из тонких стенок, для того чтобы они могли плавать острием вверх, эти светящиеся снаряды выпускаются пушками со сжатым воздухом, вроде тех, которые были установлены инженером Залинским на «Везувии»: они снабжены центральной трубой, куда проникает вода, образующая ацетилен, который, в свою очередь, воспламеняется натрием у самого выхода.

Сила света этого снаряда превышает тысячу свечей и его продолжительность, колеблющаяся между десятью минутами и часом, дает возможность пользоваться им при самых разнообразных обстоятельствах. Быть может, это не более как маневр? У француза не было времени разрешить этот вопрос.

Глухой раскат сзади заставил всех обернуться в ту сторону. Люди на «Макензи», теснясь у абордажной сетки, кричали:

– «Канадец»! Смотрите на «Канадца»!

На том месте, где недавно виднелись три огня ближайшей парусной лодки, стояла в эту минуту огромная туча желтоватого дыма.

– Торпеда! – проворчал командир «Макензи». И он снова закричал в рупор: – Палите! Торопитесь! Живо! Быстро! – Затем, повернувшись к рулевому, сказал: – Север – сорок! Скорее, Джонстоун!

Послышался новый раскат: столбы пара, целые фонтаны огня смешались с дымом пироксилина: котлы угольщика теперь взорвались. Корма судна встала перпендикулярно. Резкий шум винтов, продолжавших вертеться в воздухе, на мгновение заглушил крик ужаса, раздавшийся на «Макензи», и все затихло. Только дым появился на том месте, где исчез пар.

Это потопление среди ночи, в мирное время в особенности, произвело ужасное впечатление.

Что-то темное скользнуло налево, менее чем в полумиле. Старший офицер снова закричал:

– К орудиям! Скорее, Пири! Глядите на левый борт, назад! Стреляйте, стреляйте!..

Но на американском пакетботе царило необычайное замешательство. Матросы бегали как безумные по палубе, и командир экипажа никак не мог собрать растерявшихся моряков к орудиям. Эти две четырнадцатидюймовые пушки калибра 76 миллиметров были установлены перед отъездом из Сан-Франциско на платформе, имеющейся на каждом американском пакетботе для этого запасного вооружения... Распорядясь установкой орудий и превращая таким образом пароход во вспомогательный крейсер, губернатор штата Калифорния указал, что положение довольно серьезно и можно ожидать нападения. Но командир «Макензи» перестал на четвертый день плавания делать маневры с пушками – он стал беспечным после длинного ряда ложных тревог: пушечные заряды были заперты на ключ в складочной каюте. Вот почему они были принесены канонирами спустя бесконечно длинные пять минут, в продолжение которых судно поворачивалось на другой галс.

Во что же стрелять?

Стальное веретено, только что показавшееся на воде, исчезло...

Невыразимая тоска сдавила у всех горло. Это ожидание торпеды ночью, когда невидимый враг бродит вокруг обреченного на гибель судна, является, по свидетельству всех моряков, одним из мучительнейших кошмаров.

Матросы бегали во все стороны: одни обвязывали себя пробочными поясами, другие бросились, не ожидая приказа, к лодкам.

Послышался крик:

– Вот они! Вот они!

Тотчас раздалась команда «пали», по направлению к носу корабля. Это был выстрел, направленный в темноту, наудачу. Взрыв был еле слышен, так как шум его был заглушен страшным грохотом, и все судно вздрогнуло, подобно дереву под сильным ударом топора. Огромный столб воды скатился на сходни, и почти в то же мгновение судно накренилось в ту сторону, куда оно получило удар.

Японская торпеда взорвала «Макензи» до машинного отделения. Американский пароход стал быстро наполняться водой, так как он не был снабжен, подобно военным судам, многочисленными, непроницаемыми для воды переборками для предотвращения быстрого потопления судна. Когда лейтенант Арчибальд Форстер, после того как столб воды спал, начал искать командира, его уже не было. Огромная волна смыла его вместе с частью мостика. Страшное смятение царило на корабле в продолжение нескольких минут, которые несчастному пароходу еще суждено было держаться на поверхности воды. Матросы на «Макензи», набираемые без разбора, совершенно не были приучены к дисциплине, которая на военных судах дает возможность требовать от них исполнения приказаний в самые критические моменты. Они бегали растерянные, точно мыши в доме, со всех сторон объятые пламенем. Требования офицеров совершенно не могли удержать матросов, когда они бросились беспорядочной толпой к лодкам. Две лодки опрокинулись, прежде чем успели отойти от судна. Третья лодка, которой управляли неопытные руки, повисла на корме, выбросив в море сидевших в ней беглецов. Тяжелый, едкий дым закрыл своим зловещим покровом неподдающиеся описанию сцены, разыгрывавшиеся в то время на палубе и среди которых «Макензи» стал вдруг быстрее накрываться и исчез в водовороте пены. Этот водоворот отнес судно к ацетиленовому снаряду, и шум ракеты покрыл проклятия и крики. Пароход, падая в пучину, увлек за собой и огонь, освещавший трагическую картину, и все погрузилось во мрак...

После взрыва Морис Рембо попробовал увлечь за собой лейтенанта Форстера.

Но офицер отрицательно покачал головой.

– Командир погиб, – сказал он, – и мое место здесь! Прощайте! Спасайтесь, пока не поздно!..

Выйдя на палубу, молодой инженер окинул взором беспорядочно толкавшихся матросов и нескольких пассажиров, торопившихся к лодкам. Ему тотчас пришла мысль, что он владеет лодкой, далеко превосходящей все остальные, потому что она сделана из железного каркаса, обшитого пробковым деревом, то есть необыкновенной легкости и вместе с тем испытанной прочности. Покрывающий ее брезент предотвратит наполнение ее водой в момент погружения, и лодка, как спасательный буюк, всплывет на поверхность воды.

А главное, никто не оспаривает у него этой лодки: все силы, удесятеренные дикими выходками, проявляемыми во время больших катастроф, были устремлены к спасательным шлюпкам. Он стоял один у лодки своего дирижабля и вдруг увидел у ног топор, брошенный неизвестным беглецом на палубу.

Ниспосланная Провидением находка! Со всего размаха Морис Рембо перерубил все канаты, которыми был прикреплен к борту его импровизированный ялик, нашел в своей уже значительно закаленной душе достаточно спокойствия для того, чтобы убедиться, что никакие веревки не связывали его больше с пароходом. Чувствуя по увеличивающемуся наклону палубы, что роковая минута приближается, он устремился на мостик.

Сэр Арчибальд Форстер спускался с него, не торопясь и отдавая какое-то приказание.

В одну минуту Морис Рембо схватил его за руку и, не смущаясь его сопротивлением, потащил за собой. Палуба уходила из-под их ног, и молодой француз дошел до своей лодки, цепляясь за бортовые сетки.

– Арчибальд, сюда... цепляйтесь с противоположной стороны...

Больше он не мог говорить: огромная волна смыла палубу, подхватив ее, как соломинку и унося далеко лодку, за которую ухватились два приятеля. Ударами о трубы, взрывом котла они были отброшены еще дальше... Затем «Макензи» погрузился в пучины Тихого океана, увлекая в непреодолимом водовороте последнюю шлюпку и последних оставшихся в живых.

Мертвая тишина витала над волнами, покрытыми пеной. Густой мрак, сразу покрывший место, где была устроена эта западня, лишил желтолицых, любовавшихся издали делом своих рук, возможности быть свидетелями агонии экипажа и чудесного спасения двух оставшихся в живых людей.

Глава 2

Импровизированная лодка

Оба потерпевшие крушение ухватились за снасти, висевшие вдоль бортов их импровизированной спасательной лодки. Они держались так несколько минут среди водоворота, подвергаясь толчкам от различного рода всплывающих обломков, шестов, веревок, досок или трупов.

Затем Морис Рембо решил развязать два каната, посредством которых брезент был привязан к борту лодки, не без труда вскарабкался в массивную шлюпку и помог взобраться туда же своему товарищу.

В ту же минуту около них раздался крик: «Спасите!» И из воды сейчас же показалась скрюченная рука. Морис Рембо, уже привыкший к темноте, схватил ее: он ясно увидел откинутую назад голову и собирался уже вытащить этого нового товарища, как рука, которую он держал, вырвалась, и несчастный, точно проглоченный пучиной, исчез в водовороте.

– Вероятно, мертвая зыбь, – сказал молодой человек.

– Нет, – возразил лейтенант Форстер, – это акула: здешние места кишат ими.

Инженер вздрогнул. Они оба счастливо избежали опасности. Если бы они еще чуть помедлили и не вскарабкались в лодку, то были бы проглочены страшными акулами, как и этот неизвестный человек.

– Смотрите, – сказал американец, – вон еще другие ждут своей очереди...

– Вернее, нашу очередь, – пробормотал вполголоса молодой француз.

Морис Рембо разглядел во мраке то появляющиеся, то исчезающие меж волн темные фигуры...

Окоченевшие в своей мокрой одежде, несмотря на мягкую температуру весенней экваториальной ночи, они не проронили ни слова. Японские миноносцы, вероятно, находились вблизи и, несомненно, ждали рассвета для того, чтобы сейчас же воспользоваться остатками от кораблекрушения.

Луна показалась на горизонте, быстро поднялась, ярко отражаясь на гребне волн. Новый сноп света, появившийся с той же стороны, затмил ее. На этот раз появился электрический прожектор, но судно, на котором он находился, ушло далеко, так что американский лейтенант мог вывести заключение, что их лодка была отнесена одним из многочисленных течений, прорезывающих Тихий океан, и теперь довольно быстро удалялась от места крушения.

Несколько минут спустя, далеко на западе, поднялся новый столб света, затем послышался грохот, характерный звук которого был им хорошо знаком.

– Наступила очередь «Бонавентуры», – пробормотал Арчибальд. – Три беззащитных судна в мирное время... Ах, разбойники... Мы должны мстить за такое злодеяние до тех пор, пока на нашей планете останется в живых хоть один американец.

Ночь казалась обоим морякам бесконечной. Что принесет им нарождающийся день?

Увидят ли их и подберут шныряющие вокруг миноносцы или, отнесенные течением к тем местам Тихого океана, где между островами Полинезии лежат обширные морские пустыни – они будут обречены на смерть от голода и жажды?

На рассвете они увидели скалистый островок, возвышавшийся над морем на несколько метров. Их, к счастью, принесло сюда течением.

Арчибальд бросился в воду, когда лодка подошла совсем близко к берегу, перебрался на островок и изо всей силы потянул веревку, прикрепленную к корме. Притянув лодку к берегу, покрытому валунами, он вдруг увидел перед собой расщелину. В этом месте в скале образовалась как бы маленькая гавань, и несколько минут спустя лодка, введенная в эту естествен-

ную бухту, была вытянута на мелкий гравий, омываемый умирающими здесь волнами. Тут она была совершенно скрыта от глаз.

– Дорогой инженер, – сказал американский лейтенант взволнованно, – я обязан вам жизнью! И хотя я уверял себя, что мое место около несчастного командира, тело которого унесено волнами, я не могу не думать о той, что ждет меня там, в Сен-Луи, и о милом ребенке, который начинает щебетать около нее. Поэтому благодарю вас, без громких слов, и будем друзьями, как говорят ваши французы – на жизнь и смерть!

Они бросились друг другу в объятия.

– Я вдвойне счастлив после того, что вы сообщили мне, Арчибальд! – сказал молодой француз. – Вы любимы, вас ждут... Я же одинок. Я мог бы погибнуть, и никто не плакал бы обо мне, кроме престарелой матери, которая очень скоро последовала бы за мной. Но я приобрел верного друга благодаря этой катастрофе. И это много...

И они снова обменялись крепким рукопожатием.

День разгорался. На самом высоком выступе целого ряда скал выделялась возвышающаяся на деревянной стойке пирамида.

– Это сигнал морского гидрографического общества, – сказал лейтенант Форстер. – Мы, вероятно, находимся в виду Мидуэя.

Он взобрался на скалу и почти сейчас же слез.

– Японский миноносец, – сказал он, – не дальше как на расстоянии мили отсюда.

– Будем надеяться, что им не придет в голову причалить сюда.

– Если бы они нашли нас здесь, – продолжал американец, – нам нечего ждать от них какой-либо пощады, потому что для них важно, чтобы не осталось в живых ни одного свидетеля совершенного ими в эту ночь злодеяния.

– Но не могут же они, однако, надеяться, что это злодеяние не обнаружится.

– Конечно, но прежде чем в Соединенных Штатах подробно узнают о случившемся, они наложат лапу на главные пункты Гавайских островов и воспользуются против нас же укреплениями, которые мы сооружали в продолжение двух-трех лет с большим трудом.

– Вы думаете, то, что произошло здесь, совершилось и в Гонолулу, и на других больших островах?

– Несомненно, япошки не рискнули бы так, для того чтобы овладеть простым складом угля. Главная часть их эскадры, вероятно, оперировала около Пирл-Харбора, представляющего новый военный порт, острова Оаху, близ Гонолулу, который для них гораздо важнее острова Мидуэя.

– Окончены ли укрепления в Мидуэе?

– Кажется, окончены. Я думаю, что «Макензи» должен был доставить туда последние артиллерийские снаряды.

– И только моему бедному дирижаблю не придется принимать участия в защите, – грустно сказал молодой француз.

– Да, оболочка на дне моря, и никогда ваша лодка не будет парить в воздухе.

– Меня очень удивило бы, если бы кто-нибудь предсказал мне, когда я осматривал ее конструкцию, что она спасет нас во время кораблекрушения и истлеет на неизвестном утесе.

– Если только и мы не истлеем рядом с ней, – пробормотал американец.

И он не мог оставаться спокойно на месте и снова взобрался на скалу, но слез еще скорее, чем в первый раз.

– Можно подумать, что эти желтолицые чуют наше присутствие здесь, – сказал он вполголоса.

– Миноносец?

– Да, тот же самый, – он теперь совсем близко.

– Я хочу взглянуть...

– Смотрите, чтобы они не увидели вас... Здесь чертовская глубина и мы будем сброшены с высоты нескольких ярдов.

Лежа на животе, неподвижно и чуть приподняв голову, Морис Рембо увидел, что японское судно приближалось. Любопытство взяло верх над благоразумием, и американский офицер также подкрался к инженеру.

– Это не миноносец, а истребитель...

Легкое судно шло на траверсе тихим ходом. Военный флаг со сверкающими лучами своего красного солнца и черным траурным бордюром, развевался на гафеле, а четыре трубы выдавали быстрого истребителя-миноносца, переполненного машинами.

– Это «Казума», – проворчал офицер, он участвовал в битве при Цусиме.

Матросы бегали взад и вперед, мыли палубу, чистили медные части. Офицер, стоя у блокгауза, на котором выделялся прожектор из сверкающего никеля, навел зрительную трубку направо и, следя за указываемым, таким образом, направлением, американец разглядел вдали небольшое возвышение над водой.

– Мидуэй! Вот Мидуэй, там...

– Вы уверены в этом?

– Вполне уверен. В том направлении находятся только два острова, кроме подводных скал вроде приютивших нас теперь – остров Кюре – самый западный в архипелаге, но выдающийся не более как на шесть метров над уровнем моря и наш остров Мидуэй, возвышающийся на сто футов над морем. Я не мог ошибиться – это он. Мне кажется, что я даже различаю на нем два маленьких выступа, – это бронированные башенки.

Они больше не разговаривали.

Длинное стальное веретено, скользившее перед их глазами, казалось, готово было остановиться, и офицер, загипнотизированный видом лежавшей на палубе лодки в полотне, боялся в продолжение нескольких минут, что он будет свидетелем, как ее спустят в воду и направят к острову.

Но ничего подобного не произошло. До их слуха долетел вибрирующий звук свистка и, изменив свое направление влево, миноносец-истребитель удалился.

– Они совершенно незаметны с форта вследствие своей бездымной топки, – сказал лейтенант Форстер. – В противном случае, с каким бы удовольствием увидел я, как один из наших снарядов разрезал бы их пополам, там, на моих глазах...

– Не жалеете об этом, Арчибальд! Оставшиеся в живых достигли бы нашей скалы вплавь, и нам не удалось бы тогда уйти отсюда.

Оба приятеля спустились на берег.

– Если бы я мог предвидеть подобное приключение, то уложил бы в лодку некоторые припасы, – сказал инженер, – все эти события возбудили у меня аппетит.

– Вот как! Мы будем поститься не более двух суток! В следующую ночь попробуем добраться до острова.

– На каком расстоянии он находится от нас, по вашему мнению?

– В шести, может быть, в семи милях.

– Вы уверены, что мы можем добраться туда, не сбившись с пути? Ведь у нас нет никакого освещения!

– У меня есть карманный компас со светящимся лимбом, я доведу вас до Мидуэя среди самой темной ночи... Нам только не хватает пары весел или паруса.

– Нельзя ли сделать мачту из столба, которым заканчивается гидрографический сигнал, а парус – из брезента, прикрывающего лодку?

Американец покачал головой.

– Не проверить ли нам инвентарь лодки, – сказал он, – быть может, мы найдем там какую-нибудь трубу, которую можно превратить в весло, руль или рею?

Начались поиски. Инженер знал заранее все содержимое лодки, так как наблюдал за нагрузкой всех ее частей. Машина со своими восемью цилиндрами, сложенными попарно, занимала половину всей лодки. Два винта, снятые и завернутые в полотно, были прикреплены к обшивке, коробка с инструментами, прилаженная позади, служила сидением. Два якоря – один морской, другой – со ступеньками и крюками, чередовались на носу с тремя свернутыми гайдропами. Под снастями лейтенант Форстер увидел ряд сосудов, уставленных на дне лодки, покрытых в несколько раз сложенным полотном.

– Вероятно, ваш запас масла? – спросил он.

– Масло и бензин.

– Как? Я думал, что ваш запас бензина заключается в бочонках по сто литров. Я даже уверен, что видел, как их грузили в трюм на «Макензи».

– Это верно, но здесь находится все приготовленное на случай, и я оставил все это тут.

– Но в таком случае ваша машина может быть приведена в действие! Почему бы нам не воспользоваться ею для поездки туда? – воскликнул американец.

– Машина всегда может быть пущена в ход, – ответил смущенный инженер, – но винты...

– Что же? Вставим винты – это, вероятно, очень просто.

– Очень просто, действительно! Нужно только несколько болтов. Но способ их движения, их расположения слева и справа обшивки не дадут нам возможности воспользоваться ими.

– Но почему же? Правда, винты будут впущены только наполовину, но это не мешает управлять ими так, чтобы они все-таки двигались. Безразлично – разрезают они воду или воздух – они должны сообщать нам движение, которое мы можем регулировать, употребив вместо руля сигнальную доску оттуда.

Уверенность американца была заразительна: инженеру только нужно было позволить убедить себя. Винты, вынутые из своего футляра, были укреплены на концах осей. Два сосуда с бензином были опрокинуты в резервуар и лодка спущена на воду, оставалось только повернуть рукоятку, чтобы привести мотор в движение.

Прежде чем сделать этот опыт, американец недоверчиво осмотрел все вокруг: миноносец-истребитель исчез. Офицер разглядел на юге три судна, идущие друг за другом. Они находились еще слишком далеко для того, чтобы можно было их точно определить. Это были, без сомнения, японские военные суда, но находившиеся на расстоянии более восьми миль!

Поэтому можно было приступить к испытанию мотора вполне безопасно.

Один поворот рукоятки привел его в движение, затем инженер включил винты.

Целый сноп воды поднялся с левой и правой сторон лодки. Последовал страшный толчок, и Морис Рембо еле успел разъединить винты, иначе пришлось бы неожиданно удариться о противоположную скалистую стену.

– Мотор слишком силен для такой легкой лодки, – сказал он. – Восемьдесят лошадиных сил для этого утлого челна – это все равно что прилепить к миноносцу – машину крейсера.

– Это ничего! Мы устраним это неудобство, если будем часто разъединять винты. Самое главное, добиться движения вперед. Если бы море было беспокойно, оно могло сыграть с нами плохую шутку. Но при таком мертвом штиле мы рискуем только встретить миноносец, который может быть привлечен шумом машины.

Остальная часть дня тянулась для молодых людей бесконечно. Сменяя друг друга, они спали несколько часов. Американец нашел в расщелине скалы светящиеся ракушки, или «литодомы», запасся ими и предложил своему товарищу, когда он проснулся.

Морис Рембо, в свою очередь, нашел близ гидрографического сигнала немного пресной воды, оставшейся от последних дождей, и она показалась им одним из прекраснейших напитков.

В то время как они собирали ее в один из сосудов, их заставил вздрогнуть послышавшийся довольно близко раскат.

Это не был продолжительный гул взорвавшейся торпеды, а резкий и как бы оглушительный грохот пушек большого калибра.

Потерпевшие крушение тотчас вскарабкались к своей обсерватории. Три недавно замеченных ими военных судна обходили подводный риф, и вторичный грохот, а вслед за ним и третий – прокатились по морю.

– Это начинается бомбардировка Мидуэя, – заметил офицер.

– Теперь форт отбивается, Арчибальд!

И в самом деле, между островком и японскими броненосцами поднялся столб воды. Это был слишком продолжительный удар, и через несколько секунд до них долетел глухой гул: это был первый пушечный выстрел с форта. Ядро долетело раньше, чем гул от удара.

Лейтенант с «Макензи» вынул часы и стал быстро следить по секундной стрелке.

– Да, это так. Начальная скорость наших снарядов равняется семистам метрам при выходе из дула; дальнейшая же скорость не превышает триста метров в секунду, следовательно, на расстоянии пять-шесть миль – если считать остров в шести милях – звук должен долететь до нас через одиннадцать или двенадцать секунд после выстрела, а ядро долетело раньше звука этого выстрела. Нам придется сделать в эту ночь шесть миль.

– Почему японцы не подходят ближе? Ведь на таком расстоянии их выстрелы совершенно не достигают цели?

– Вы заблуждаетесь! Прежде всего, их снаряды достигают семи миль; затем, они вовсе не задались целью пускать на укрепление снаряды, обладающие большой, дальнейшей скоростью, ибо, как бы ни была велика скорость, их ядра бессильны против гранитных скал, среди которых заложена крепость. Они хотят только попасть в какой-нибудь пункт форта, так как их ядра – это настоящие мины, содержащие от ста двадцати до ста пятидесяти килограммов знаменитого взрывчатого вещества – шимозы. Они усовершенствовали известные «чемоданы» Цусимы¹. И я думаю, что в настоящее время судно, в которое попадут один за другим несколько пачек подобных взрывчатых веществ, по всей вероятности, пойдет ко дну с разрушенными верхними частями и задохнувшимся экипажем. Иначе обстоит дело с крепостью, особенно с такой, как Мидуэй!

– Вы считаете ее неприступной для бомбардировки?

– Я считаю ее, главным образом, неодолимой потому, что ею командует выдающийся человек, майор Гезей, бывший солдат, который скорее погибнет под развалинами своего укрепления, даже скорее взорвет все, нежели сдастся.

– Для такого передового укрепления и должен быть избран человек, отлично закаленный... Он молод... этот майор Гезей?

– Нет, это старый офицер лет пятидесяти, отличившийся на Кубе, среди «мужественных всадников» нашего Тедди², затем на Филиппинах и пользующийся в нашей новой армии репутацией храбреца, возведшего эту храбрость в правило...

– Лишь бы у него хватило съестных и боевых запасов...

– Слушайте, – прервал американец, – вот выстрел, который, должно быть, оторвал угол у правого броненосца! Вы видите дым, поднявшийся на носу японского броненосца...

– Да, он поврежден. А вот и второй удачный выстрел! Браво, Мидуэй!

И, забыв о своем собственном положении, старший офицер с «Макензи», выпрямившись, хлопал в ладоши.

¹ Русские называли «чемоданами», или сумками, снаряды, наполненные шимозой, в количестве до 305 кг и длиной в 1 м 25 см, в первый раз введенные в употребление в Порт-Артуре.

² Так американцы фамильярно называют президента Теодора Рузвельта.

Инженер посоветовал ему быть осторожнее. Но прежде чем снова растянуться на скале, американскому офицеру доставило большое удовольствие видеть, как поврежденное судно накренилось на правый борт и медленно отчалило.

– Японцы, прославившиеся своей хитростью, на этот раз сделали большую ошибку, расположившись здесь, – сказал офицер. – Они могли бы избрать всякий иной путь, но только не этот.

– Почему же?

– Потому что островок, на котором мы находимся, представляет из себя пункт, точно отмеченный на картах крепости, и, руководствуясь этой картой, наши артиллеристы быстро определили расстояние, так как им точно известно расстояние до острова.

– Желтолицы, по-видимому, усмирены на сегодня, – сказал молодой француз. – Оба броненосца также уходят.

– Удвоив выстрелы для того, чтобы отвлечь внимание от раненого товарища.

Действительно, большие пушки на башенках судна гремели теперь непрерывно, а на верхушке Мидуэя маленькие белые облачка указывали на точки, куда попадали выстрелы.

Раненое судно обошло подводный риф, и на его носу обозначилось зияющее отверстие, немного выше ватерлинии.

– Это не броненосцы, а бронированные крейсера, – заметил американец. – Это «Ибуки», один из последних типов, с турбинами, делающий двадцать семь узлов, как английские Indomitables... Они, очевидно, послали сюда свои быстроходные суда, чтобы можно было легко уйти от нашей эскадры, если она нападет на них с тыла.

Крен японского крейсера стал очень заметен, и открытые между башнями правого борта трубы, низвергали в море потоки воды.

– Большая течь, – снова заметил офицер. – Старый Гезей, быть может, и не подозревает, как удачен был его выстрел.

– Если бы мы могли сообщить ему об этом в эту ночь! Крейсера, находившиеся теперь вне досягаемости выстрелов, прекратили стрельбу и удалились на запад.

Был ли «Ибуки» настолько серьезно поврежден, что был вынужден отправиться в Японию? И как он совершит в подобном состоянии путь в две тысячи миль? Оба приятеля совершенно не задавались подобными вопросами: им также предстояло совершить путь, и хотя он был не более шести миль, но крайне опасен, на таком неудобном, как их лодка, судне и ввиду возможности натолкнуться на один из виденных в прошлую ночь миноносцев.

Наступил вечер. Утес Мидуэя исчез в сгустившейся темноте, но старший офицер с «Макензи» тщательно отметил его на компасе под 176° восточной долготы. Лодка была поставлена у входа в расщелину скалы, откуда можно было выйти в открытое море. Она была покрыта брезентом для предохранения от затопления водой, разбрасываемой винтами, а к корме прикрепили сигнальную досочку вместо руля.

Арчибальд Форстер принял на себя управление, а инженер, наблюдавший за машиной, должен был быть всегда готовым разъединить винты по указанию офицера.

Над брезентом видна была только верхняя часть их туловища, и они напоминали людей в спасательных лодках, отправляющихся на помощь погибающему кораблю и закрытых до пояса палубами.

Было одиннадцать часов вечера, когда лодка отчалила от приютившей их скалы, которая затем благодаря морскому приливу быстро погрузилась до половины в воду.

* * *

Если американский офицер сомневался в правильном действии винтов в среде, для которой они вовсе не были предназначены, то теперь он мог успокоиться.

Двигатель дирижабля обладал той именно удивительной гибкостью, которая давала возможность одним поворотом рукоятки, служившей для впуска газа, сделать двести или две тысячи оборотов. Скорость вращения на оси, доведенная до минимума, уменьшалась еще сопротивлением воды и не вызывала таким образом в винтах тех резких толчков, последствием которых являлись наполнявшие лодку брызги воды и шум, слышимый издали. Проехав милю, Арчибалд Форстер успокоился и был неистощим в похвалах по адресу мотора и равномерности его бесшумного хода.

– Мы потратим не больше часа на эти шесть миль, – сказал он. – А я боялся, что нам придется употребить на эту переправу половину ночи.

Единственное неудобство представлял густой мрак. Ежеминутно они рисковали натолкнуться на японский миноносец, бродивший без огня вокруг острова, и неоднократно обоим приятелям казалось, что они различают неясно отражающийся на черном небе пурпурный отблеск, озаряемый искрами, как бы от пламенного дыхания трубы миноносца-истребителя. Морис Рембо останавливал мотор и оба, напрягая слух, вглядывались в темноту.

Американский лейтенант, не спуская глаз со своего светящегося карманного компаса, скомандовал: «Стоп!». Прошло полтора часа, как они покинули свою скалу: Мидуэй был уже недалеко.

Так как на форте не было никаких огней, то нужно было выждать появления луны, которая вскоре выделит на горизонте скалистый силуэт крепости.

И еще целый час лодка дирижабля качала двух людей на небольших волнах, которые временами светились от миллиардов инфузорий, морских звезд и nereid, освещающих экваториальные моря.

Наконец около двух часов ночи бледный свет оповестил о восходе луны, и немного левее, на расстоянии мили, показалась черная громада.

Лейтенант облегченно вздохнул, так как он боялся, что их отнесло течением, как в прошедшую ночь, и в таком случае, не зная направления этого течения и не имея возможности определить место по карте, пришлось бы ждать утра для того, чтобы добраться до Мидуэя.

А бродить среди бела дня в этих опасных местах – это значило роковым образом попасть в руки японцев. Двадцать минут спустя, идя замедленным ходом, они очутились под скалой, возвышающейся над крепостью Мидуэя.

Она произвела на них впечатление громады с обрывистыми стенами, что-то вроде сказочных замков, служивших убежищем для скандинавских пиратов у входа во фиорды. Вместо песчаного берега, который они искали для того, чтоб причалить, – они натолкнулись на вертикальную стену и вынуждены были объехать остров, погруженный во мрак и тишину.

– Вероятно, караулят, – пробормотал американец, – в нас будут стрелять!

И опасаясь этого, они молчали. Они удалились, боясь привлечь внимание часовых шумом мотора, и после многочисленных бесплодных усилий очутились в небольшом канале, очевидно, прорытом руками людей, который как бы уходил вглубь на двадцать метров в туннель, казавшийся в темноте гигантских размеров. Лодка направлялась туда бесшумно, при помощи доски, служившей рулем. Но очень скоро она наткнулась на загородку, устроенную в уровень с водой.

– Бон, – пробормотал американец... – Если нас поймут здесь – в нас будут не только стрелять из ружей, но встретят залпами из митральезы... Вероятно, там наверху стоят одна или две пушки, карауляющие этот выход.

После некоторых попыток высадиться на берег они должны были отказаться от мысли взобраться на отвесную стену, окружавшую вход в канал, и снова вышли в море.

– Теперь я убежден, что японцы не высадятся ночью, – ворчал американец, стараясь разглядеть расщелину в этой неприступной скале, – но это еще не улучшает нашего положения...

Неожиданно на вершине скалы сверкнула молния. Белый пучок лучей упал на стену, рассыпался мириадами искр по гребню волн и после нескольких колебаний направился ко входу в канал, только что покинутый лодкой.

– Пора! – сказал инженер. – Еще минута – и мы будем осыпаны картечью.

– Скорее! – прервал американец. – Соединяйте!

Винты прорезали воду, и лодка со страшной силой ударилась о скалистую стену, возвышавшуюся перед ней. Толчок был так силен, что лейтенант, склонившийся к корме с доской в руке, чуть не был сброшен в море...

Морис Рембо, в свою очередь, ускоряя ход машины, был отброшен к носу лодки и, казалось, вышибет дно, так силен был удар.

Но прочное и упругое пробковое дерево выдержало удар, и сидевшие в лодке очутились вне выстрелов с форта, под защитой самих скал.

В продолжение двадцати минут электрический прожектор обыскивал берег, двигаясь над их головами. Они притаились в этом мертвом углу, где их укрыла скала, не проронив ни слова и выжидая конца этих продолжительных поисков.

Луна стояла высоко на небе. Очертания скал, окружавших высокую вершину Мидуэя, обрисовывались ясно.

Они напоминали глыбы утесов или ряд гигантских плотин из переносных валунов ледникового происхождения, громоздящихся в темноте друг на друге.

Не покидая скрывавшего их благодетельного утеса, пользуясь неровностями скалы и своим импровизированным веслом, лейтенант с «Макензи» плыл вдоль извилин острова.

Они почти обошли его вокруг, когда наконец около четырех часов утра увидели небольшую песчаную площадку, приблизительно в двадцать метров, окаймленную кораллами.

Они были спасены.

Выскочить из воды и вытащить лодку на берег было для них делом одной минуты. Но лишь только они втащили на маленькую площадку берега нос лодки, как грянул выстрел и снаряд прорезал тень, падавшую от высокой стены.

В это самое время до слуха приятелей долетел стук падающего в воду тела и они еле успели растянуться за первыми рядами кораллов для того, чтобы скрыться от снарядов, носившихся, точно бешеные мухи, в воздухе над их головами.

Глава 3

В крепости Мидуэй

Выстрелы участились, и молодые люди слышали в продолжение двух, казавшихся им бесконечными, минут, как пули падали позади них в воду.

Было бы величайшим безрассудством показаться, кричать или попробовать каким-нибудь жестом заставить опознать себя, так как митральеза, неумолимо сыпавшая картечью из невидимой амбразуры, приводилась в действие людьми, стрелявшими без разбора во все, что двигалось извне, и которые не выслушали бы их.

Лучше ждать рассвета.

Время тянулось очень медленно.

Когда оба приятеля могли наконец различить вертикальные стены крепости и украшавшие ее круглые башенки – отдаленный гул дал им знать, что японские суда также выжидали восхода солнца для того, чтобы возобновить вчерашнюю бомбардировку.

Три снаряда, свистя, пронеслись над их головами; четвертый – попал в скалу на уровне воды, не более как в пятидесяти метрах от спасшихся с «Макензи» и навел на них ужас.

От неожиданного сотрясения воздуха, страшного вихря, пронесшегося быстрой волной, – у них сперло дыхание.

Настоящая синеватая туча с радужным отблеском, казалось, вырвалась из раскаленной земли, точно между двумя скалами внезапно открылся кратер.

– Скорее! Идите за мной...

И Морис Рембо чувствовал, что товарищ тянет его в море.

Он не успел опомниться, как уже весь погрузился в воду и услышал приказание лейтенанта Форстера.

– Прежде чем этот дым дойдет до нас, наберите воздуха и нырните под воду.

Французский инженер знал по прочитанным о битве под Цусимой рассказам, что японские снаряды выделяют окись углерода. Но ему не было известно, что этот народ отныне после своих побед посвятивший себя войне, изобрел новое взрывчатое вещество, превосходящее шимозу. Они пустили в ход снаряды большой вместимости, ядовитые газы которых убивают большее количество окружающих людей, нежели их взрывы в упор.

Во время будущих морских сражений несколько снарядов такого образца, проникнув в глубину судна, выведут его из строя, и смерть от них будет вернее, нежели от самой скорострельной пушки.

Морис Рембо последовал совету американца: когда синеватая туча надвигалась на них, горячей волной катясь по воде, обе головы исчезли, и для большей безопасности Арчибальд Форстер, знавший, что его друг отлично плавает, увлек его в открытое море для того, чтобы перевести дух.

Когда они снова подплыли к берегу, на этот раз немного дальше, на вершине глыбы, покрытой водорослями, показалась голова с приложенным к щеке ружьем.

– Соединенные Штаты! – закричал лейтенант.

Ружье опустилось, и среди обломков скалы показались еще две головы в широкополых шляпах американских солдат.

Это был патруль, посланный с форта для погони за подозрительной тенью и прибывший вовремя для того, чтобы принять потерпевших крушение моряков.

Солдаты, составлявшие патруль, торопились вернуться в крепость. Без сомнения, они боялись японского «чемодана», вроде взорвавшегося недалеко от них, и, не слушая объяснений, которые Арчибальд Форстер пробовал им дать, они старались направить своих пленни-

ков налево, вплоть до высеченной в скале и, по-видимому, огибающей весь остров дозорной дорожки. По ней мог проходить только один человек, невидимый с моря, так как глубина этого узкого прохода была 1,8 метра. Через известные промежутки узкий проход расширялся по направлению к морю, позволяя часовым, постоянно расхаживающим в этой скалистой траншее, следить за теми местами морского берега, которые нельзя разглядеть с крепостного вала.

Через сто метров после многочисленных изгибов дозорная дорожка впадала как бы в глубокую раковину, представляющую перекресток из трех одинаковых траншей, из которых одна, более широкая, уходила под свод, высеченный в скале.

Это был вход в крепость.

Для того чтобы предохранить ворота от непосредственного действия артиллерийских снарядов, тоннель изменял направление, и на повороте невидимая снаружи электрическая лампа отсвечивалась на рельсах узкоколейной железной дороги, укрепленных в бетоне.

Хриплый голос часового раздался под сводом, и один из патруля ответил на окрики «Соединенные Штаты» – слова, которые лейтенант Форстер так своевременно бросил несколько минут тому назад.

Солдат вынырнул из глубины будки, высеченной в скалистой стене, и взял ружье наперевес.

Обменявшись вполголоса паролем и лозунгом, один из часовых что-то крикнул, и подземелье осветилось: десять ламп вспыхнуло внутри, и глазам потерпевших крушение вдруг представился в нескольких шагах ров от пяти до шести метров шириной.

В это самое время начала медленно опускаться, подобно подъемному мосту, массивная, с двумя бойницами, дверь, вделанная в противоположную стену. Находившиеся на ней рельсы служили продолжением пути, устроенного в бетоне. У входа появилось несколько силуэтов солдат с ружьями наперевес. Вновь раздался оклик, снова обменялись пропуском, и оставшиеся в живых с «Макензи» переступили ров, исчезающий в густом мраке.

Они вошли в крепость Мидуэй.

Лишь только их конвой перешел мост, как последний поднялся и в ту же минуту до них долетел шум нового взрыва, но заглушенный, почти отдаленный.

Они почувствовали себя за этими гранитными стенами в большей безопасности, нежели на борту самого сильного броненосца.

Вся крепость производила впечатление, точно она выросла в эти подводные скалы Тихого океана: она была высечена в самом утесе.

Японские снаряды разобьются об эти каменные валы, и шум взрыва даже не долетит внутрь крепости.

Комната, куда ввели Мориса Рембо и Арчибальда Форстера, представляла обширный низкий зал, освещенный дуговой лампой, яркий свет которой проникал в каждый уголок. Это был полицейский пост, где находилось около пятнадцати человек, одетых в костюмы цвета хаки, с патронташами через плечо, в полуботинках бурой кожи и в широких шляпах с кокардами.

Только трое из них были в форме темного цвета и фуражках по образцу, принятому гимнастами всех стран. Это были артиллеристы. Сидя в углу комнаты на скамьях, они окружали митральезу, поставленную на чугунной раме, вделанной в скалу. Сквозь узкую амбразуру, из которой можно было простреливать берег, как бы сквозь отдушину, проникал дневной свет.

Вошел офицер – высокий, безбородый здоровяк, с сильными мускулами, и при его входе никто из присутствовавших солдат не пошевелился, так как отдавание чести считается в военное время излишним в американской армии.

Его костюм, также цвета хаки, без галунов, без металлических пуговиц и каких-либо иных украшений, отличался от солдатской формы только более элегантным покроем, более

тонким сукном и серебряной звездочкой на воротнике. Ремень револьвера, надетый через плечо, заменял перевязь с гнездами для патронов.

Он представился: Гарри Спарк, 3-го колониального полка. Когда оба потерпевших крушение отрекомендовались, в свою очередь, он объявил им, что комендант крепости, сомневающийся, чтобы они действительно остались в живых после катастрофы, происшедшей в эту ночь, ждет их у себя.

– Мы готовы, – сказал Арчибальд Форстер...

По дороге американский лейтенант расспрашивал их, записывая ответы для того, чтобы передать все коменданту.

Через сводчатые галереи вдоль рельсов, по которым могли двигаться самые большие орудия, они попали в обширную круглую залу, где две дуговые лампы бросали ослепительный свет на настоящий завод в миниатюре. Здесь была сосредоточена вся механическая часть и световая энергия всей крепости: динамо-машины двигались с такой головокружительной быстротой, что их полированные шкивы казались неподвижными; газовые моторы вертелись бесшумно, гидравлические краны легко подымали на вершину скалы тяжелые башенки и их огромные орудия. Здесь же стояли различные станки, машины всевозможных видов, аппараты для набивания металлических, ружейных и пушечных патронов.

При одном взгляде на эти разнообразнейшие машины, могущественные и вместе с тем самые усовершенствованные, можно было понять глубокое различие между современной войной и войной минувшего столетия.

Между этой новейшей крепостью и древними крепостями Кормонтеня и Монталамбера такая же разница, как между фортами Вобана и римским лагерем. Наука,двигающаяся вперед гигантскими шагами, изменила за последние сорок лет все: морскую тактику, атаку и защиту крепостей, способ рекогносцировки и сообщения.

Крепость превратилась в завод, где физика, химия и механика создали самые усовершенствованные способы разрушения и защиты.

Человек двадцать стояло за станками и машинами среди передаточных ремней и многочисленных изолированных проводов, которые передавали во все уголки Мидуэя силу и свет.

Офицер, сопровождавший обоих спасшихся с «Макензи», отодвинул чугунную дверь, вошел в коридор и вдруг на перекрестке галерей исчез, взяв под козырек перед какой-то группой, вынырнувшей из темноты.

Четыре человека несли раненого с покрытым кровью лицом на носилках, а за ними шла молодая, высокая и стройная девушка, с красивым бледным лицом, окаймленным белокурыми волосами. Складка на лбу придавала ее лицу выражение скорби. Она была одета очень просто, вся в белом, а на ее маленьком переднике сестры милосердия, прикрепленном на плечах бретелями, выделялся миниатюрный красный крест. С белой лентой в волосах, отливавших золотом при электрическом свете, она производила впечатление сказочного видения.

Она ответила легким поклоном на приветствие трех остановившихся людей.

Выражение наивного удивления, появившееся в ее больших светлых глазах при виде незнакомых людей, которых она еще не встречала на своем утесе, придавало ее подернутому грустью взгляду невыразимую прелесть.

Спасшиеся с «Макензи» приятели были так поражены этим видением, что остановились и стояли до тех пор, пока она не исчезла в одной из боковых галерей.

– Это мисс Кэт Гезей, дочь коменданта, – серьезно заметил лейтенант Спарк в ответ на их немой вопрос. – Ее отец – душа крепости, а она – душа своего отца!.. Мы смотрим на нее здесь как на звезду, упавшую с неба среди нашего мрака, и нет ни одного человека в гарнизоне, который при бомбардировке не боялся бы за нее, больше чем за себя.

– Как мог ваш комендант осудить свою дочь на подобное заточение? – оживленно спросил Морис Рембо.

Американский лейтенант ответил не сразу. Но опасаясь, чтобы его молчание не было истолковано этим незнакомцем как осуждение за нескромный вопрос, он медленно ответил:

– Майор Гезей овдовел только несколько месяцев тому назад: у него нет никого, кроме дочери. Миссис Гезей умерла в то время, когда ее муж был только что назначен комендантом на Гавайские острова. Он не мог отказаться от этого столь ответственного поста, а дочь его не хотела оставаться в Сан-Франциско одна. И он взял ее с собой. Кроме того, вам небезызвестно, господа, что климат Гавайских островов превращает их в климатические станции, куда стремится вся знать Калифорнии. И мог ли майор Гезей подозревать, что он везет свое единственное дитя под эти адские выстрелы, направляемые теперь в нас проклятыми японцами. А теперь, господа, – прибавил он, помолчав немного, – будьте любезны идти за мной! Не следует заставлять коменданта ждать нас.

Через несколько шагов он остановился перед дверью, поднял и опустил тяжелый бронзовый молоток.

– Войдите! – отозвался суровый голос.

Квартира коменданта крепости Мидуэй представляла собой сводчатый каземат от шести до семи метров длины, на четыре метра ширины и уходящий на пятнадцать метров вглубь, под вершину скалы. Самая простая меблировка состояла, главным образом, из огромного письменного стола, стоявшего у стены и заваленного бумагами. Но при входе Морис Рембо заметил на видном месте, в раме, портрет женщины, на плечо которой опиралась молодая девушка – ангел доброты и милосердия, только что встреченный ими.

На стене помещалась винтовка ли-метфорд, автоматический револьвер, а в углу, на лафете, митральеза Максима, совершенно готовая для наведения на берег.

Среди каземата, куда лейтенант Спарк ввел обоих молодых людей, стоял спиной к двери человек высокого роста, смотревший в узкую бойницу, тяжелую чугунную ставню которой он придерживал рукой.

Он разглядывал клочок океана, который был виден между двумя стенками амбразуры, высеченной в скале.

Когда он прикрыл амбразуру, откуда проникал маленький пучок света в глазок, предусмотрительно устроенный в толще металла, то при электрическом свете обнаружилось множество складок на его челе, впалые щеки и старательно приглаженные волосы с серебристым отливом. Жесткие и гордо закрученные усы выделялись белым пятном на румянном, энергичном лице, освещенном парой таких же голубых глаз, как и те, которые только что озарили темноту галереи.

Лейтенант Спарк протянул ему листок из памятной книжки, на котором он спешно делал отметки, удостоверяющие личности обоих спасшихся с «Макензи», и назвал их.

Майор Гезей разглядывал их несколько мгновений, бросил взгляд на протянутую ему бумажку и тотчас подошел к ним, протягивая руку с горячим и чисто дружеским радушием.

– Добро пожаловать в такую минуту, – сказал он. – Вы, лейтенант, вероятно, глубоко сожалеете о своем броненосце, а вы, милостивый государь, как принадлежащий к дружественной нации, везли нам машину, которая напоминала бы нам всем, что ваша родина всегда стоит во главе самых смелых нововведений. Я полагал, что никто не уцелел с «Макензи», о трагической гибели которого мы догадались издалека, в прошлую ночь, иначе я послал бы навстречу вам лодку с нефтяным двигателем, то есть единственную лодку, которой мы располагаем. О, эти японцы – страшные разбойники!.. А ведь для того чтобы внушить недоверие, перед нами был пример Маньчжурской войны, осада Порт-Артура, но все это не открыло нам глаза! К счастью, здесь я никогда не доверял!

Он говорил медленно, отчеканивая слова, указывая пальцем на висевшую на стене большую карту, где оба берега – Америки и Азии – были расположены друг против друга, разделен-

ные ровным синим цветом Тихого океана, на котором несколькими ярко-красными пятнами были отмечены Гавайские острова.

Наклонением своего большого, сухого и костлявого туловища, напоминавшем старинные церемонные поклоны, комендант пригласил своих собеседников сесть и рассказать ему о гибели парохода и всех перипетиях их спасения.

Когда он узнал все подробности, то воскликнул:

– Это ужасно! Это начало беспощадной войны, и мы ее поддержим, убежденные в своей правоте, и особенно в своем могуществе, ибо в настоящее время не существует для народов каких-либо иных прав, кроме силы. Горе слабым и позор побежденным! – таково последнее слово цивилизации. К счастью, Америка за последние несколько десятилетий со времени войны с Испанией вступила на путь империализма. Она создала у себя могущественный флот, в чем ее упрекали все сторонники мира. Если бы она последовала за глупыми теориями гуманизма этих педантов и мечтателей, верящих во всемогущество фразы и в царство утопий, – что было бы с нами теперь?

Он рассказал молодым людям, что в ночь, предшествовавшую гибели «Макензи», он выдержал бешеную атаку роты японского десанта, которая могла бы высадиться в темноте совершенно незаметно. Но, к его счастью, неожиданный перерыв телеграфных сообщений в начале ночи вызвал у него подозрение. Через три часа перестал действовать беспроводный и электрический телеграфы, и эта одновременная порча аппаратов вместе с другими наблюдениями, сделанными в предыдущие дни, как то: суда, шныряющие взад и вперед в открытом море, миноносцы, подходившие к острову, не зажигая установленных огней, – побудили его удвоить бдительность.

Поэтому он удвоил караульные посты, следил, чтобы все входы были закрыты и крепость была защищена сама собой своим глубоким рвом, обрывистыми скалами и своей неприступностью.

– Вы не стреляли, господин комендант? – спросил лейтенант Форстер.

– Мы дали несколько залпов из митральез у входа на подъемный мост и особенно сильную пальбу открыли в то время, когда нападающие отступали на суда. Они, вероятно, потеряли человек пятьдесят, но у меня не было возможности определить это в точности, так как они увезли своих убитых и раненых. Мы могли только на следующий день установить, что их попытка высадиться, была неудачной, по брошенному ими оружию и многочисленным кровавым пятнам, обнаруженным на скале.

– А бомбардировка?

– Бомбардировка началась только вчера, когда вы ее заметили. Если бы они начали ее раньше, то предупредили бы «Макензи» о грозящей опасности и вы могли бы, повернув на другой галс, сообщить об этом в Гонолулу.

– Вы полагаете, что Гонолулу не попал в их руки?

Майор Гезей сомнительно покачал головой.

– Все возможно, – сказал он. – Наша эскадра далеко; работы в Пирл-Харборе не закончены. Если японцы подступили к городу в достаточном количестве, то могли проникнуть туда без всякого сражения, рассчитывая впоследствии взять все недавно вооруженные форты, окружающие город. Впрочем, мы сами виноваты в том, что позволили желтолицым обосноваться на наших островах. В продолжение целого года, еженедельно в Гонолулу прибывали суда, переполненные японцами. Можно было предвидеть, что они нас поглотят... И все эти эмигранты, вероятно, облегчили своим эскадрам их задачу... Здесь у меня нет никаких вестей – я отрезан от всего мира...

– Ах! – воскликнул Морис Рембо. – Если бы у меня был мой дирижабль!

– Вы правы, дорогой инженер, и, признаюсь, мы ожидали его с нетерпением, но больше для того, чтобы развлечься несколькими полетами, чем для извлечения пользы с военной точки

зрения. Неужели вы действительно верите, что эта машина достигла такого совершенства и могла бы совершить такие дальние полеты? Известно ли вам, что отсюда до Гонолулу расстояние по прямой линии исчисляется в тысячу четыреста и около двух тысяч миль от Гонолулу до Сан-Франциско?

– Мой дирижабль делал во время опытов до семидесяти километров в час. Он держится целых два дня в воздухе, благодаря непроницаемой оболочке, изобретенной нашей школой аэростатики в Медоне. Если бы взять с собой сжатого газа, то он мог бы продержаться еще гораздо дольше: я добрался бы до Гонолулу в течение тридцати часов при такой хорошей погоде, какая держится в ваших местах.

На лице майора промелькнуло выражение изумления.

– Я верю вам, – сказал он. – К несчастью, все это не более как мечта, ибо аэростат лежит на дне моря вместе с «Макензи» и воздушный путь закрыт для нас, как и все другие пути. Чудом является даже то, что вам удалось...

Он замолчал и, поднявшись, подошел к молодым людям. Пошупав платье сэра Арчибалда Форстера, он бросился к кнопке электрического звонка, находившейся на его письменном столе. Затем он сказал, как бы про себя:

– Я болтаю, заставляю вас рассказывать о ваших приключениях, не подумав о том, что вы промокли и истощены до изнеможения... Простите меня, – сказал он с самой изысканной вежливостью.

В дверях появился вестовой, держа руку у козырька.

– Томми, мисс дома?

– Точно так! Раненому лучше, и мисс в своей комнате!

Майор нажал на другую кнопку, и несколько минут спустя в углу каземата поднялась портьера, и появилось бледное, доброе лицо Кэт Гезей, вопросительно глядевшей на отца. По знаку отца молодая девушка вошла в каземат.

– Дитя мое, рекомендую тебе двух храбрецов, которым удалось спастись в прошедшую ночь после ужасного кораблекрушения и высадиться здесь, не подвергнувшись ни одному выстрелу – это так же чудесно, как спастись от японцев. Нужно приготовить для них завтрак как можно скорее – они умирают с голоду!

– Я предугадала ваше желание, и закуска готова!

– Твоему раненому лучше?

– Да! Доктор говорит, что раны в голову бывают или смертельны, или незначительны: раз он не умер от потери крови, он поправится через несколько дней!

– Он ранен вчера во время бомбардировки? – спросил Морис Рембо.

Он повернулся к ней, точно прося ее ответить непосредственно, так как был очарован ее необыкновенно мягким голосом, и ему хотелось услышать его еще раз.

– Кажется, в башне, там... – сказала она. – Но папа знает лучше меня...

– Да, это было в северной башенке, – сказал майор. – Правду сказать – необыкновенная рана: в течение нескольких секунд, когда с башни готовились дать залп из своих двух орудий, в нее неожиданно попал снаряд и разбился об ее стальную стенку, не причинив никакого вреда. Но сила удара была так велика, что висевший на крюке ключ, в виде болта, был сброшен. Он сыграл роль снаряда и поразил бедного юношу в затылок. Служба на этих башнях – невеселая штука, как говорите вы во Франции, господин инженер.

И старый офицер произнес последние слова по-французски. Отдаленный выстрел, затем второй, как бы подтвердили его слова. Почти вслед за этим очень близко послышался шум страшного взрыва.

Снова начиналась бомбардировка.

Майор Гезей поспешил приоткрыть тяжелую чугунную ставню и стал вглядываться в пространство.

– Они крейсируют с противоположной стороны, вероятно, надеясь найти там более доступный пункт. Они потратят там весь запас пороха и, опустошив свои крьюйт-камеры, вынуждены будут удалиться. При достаточном количестве съестных припасов и воды, здесь можно держаться месяцами и месяцами; я буду держаться целыми годами, если это понадобится.

Он закрыл бойницу и вернулся к своим гостям.

– Кэт ждет вас, господа, – сказал он, указывая на портьеру, за которой бесшумно исчезла молодая девушка. – Вы можете завтракать под снарядами так же спокойно, как великий король под сенью Версаля.

Великий король! Версаль! Это были воспоминания, воскрешенные для того, чтобы приятно поразить слух француза.

После двух полных столь трагических событий ночей, пережитых Морисом Рембо, ему представилось, что он попал к старому аристократу, возвращаясь из Фонтенуа, и встретил там прелестную маркизу из салона супруги люксембургского маршала, озаряющую все вокруг светлым взором своих больших глаз.

Что касается лейтенанта Форстера, невольно дрожавшего от холода в своем мокром платье, то он решил, что казематы в Мидузе очень сырые, и предпочел бы этому завтраку сухое платье и топящуюся печь.

Глава 4

Общая родина

Девушка первой обратила внимание на дрожавшего от холода американского лейтенанта и сказала, что ее гостям прежде всего необходимо сменить одежду.

Майор, извинившись, поручил лейтенанту Спарку отыскать для них в крепостных складах подходящее белье.

Через полчаса наши приятели появились в солдатской форме великой республики.

Этот импровизированный наряд был им очень к лицу, и они готовились поблагодарить коменданта крепости за быстро доставленные костюмы. Но, войдя в каземат, где был сервирован завтрак, они, пораженные удивлением, остановились у порога.

Они рассчитывали найти наскоро накрытый стол, скудный и спешно приготовленный завтрак, как это полагается на бивуаках.

Но их глазам представился роскошно сервированный стол, сверкающий хрусталем, уставленный великолепной посудой и изысканными блюдами. На обшитой чудным венецианским кружевом, вышитой скатерти было разложено старинное серебро с вензелями.

Но взоры гостей выражали нескрываемое изумление не перед полной вкуса роскошью: их поразило изобилие растений, украшавших стол.

Как! Эти редкие яркие цветы, нежная листва, эти нежно-зеленые пучки злаков, покрывающих кружево – здесь, на бесплодной земле Мидуэя, на этой скале, где среди гранита нельзя было найти ни одного кубического метра поросшей зеленью земли!

– Ах! – не мог не воскликнуть француз.

– Право, дорогие гости, – обратился комендант к молодым людям, когда они уселись по обе стороны молодой хозяйки, – позвольте мне, пользуясь вашим изумлением, сказать вам, что моя дочь заслуживает это удивление больше меня. Это ей пришлось воспользоваться вашим кратковременным отсутствием и украсить стол так, как мы делаем это к празднику Рождества и во время некоторых семейных торжеств!..

– Но ведь это чудеса! – бормотал Морис Рембо. – Такой резкий контраст между пустыньностью острова и этой роскошной растительностью!

– Вы думаете, каким образом эта богатая, роскошная растительность могла здесь завоевать себе право гражданства? Это дело рук моей дочери, гордящейся своим хозяйством и страстно любящей садоводство. При отъезде из Сан-Франциско, зная, что я ни в чем не могу отказать ей, она не давала мне покоя до тех пор, пока я не согласился нагрузить специально приспособленную парусную лодку нашим богатым калифорнийским черноземом. Тотчас после приезда она устроила в специально защищенном уголке садик и теплицу, за которыми ухаживает с любовью. Я должен вам сказать, что вчера мне пришлось воспретить ей выходить в то время, когда бомбардировка перевернула все вверх дном на нашем правом фронте. Она собиралась выйти под предлогом, что ее висячие сады расположены на противоположной стороне!

– Не было никакой опасности, папа! Вам хорошо известно, что бедные растения требуют аккуратной поливки при закате солнца. Я страдаю их страданиями!

– Сударыня, – оживленно заметил молодой инженер, – если я могу рассчитывать быть чем-либо полезным на этом утесе, где вы находите возможным устроить маленький рай, то я горячо просил бы вас возложить на меня ежедневный труд поливки. Я также обожаю цветы и умею обращаться с ними, а ваши цветы так хороши!

– Если бы моя дочь могла высказать вам свои мысли так же откровенно, как передала их мне, – рассмеялся майор, – она сказала бы вам, что этим, быть может, излишним для завтрака в осажденной крепости, убранством она хотела отдать дань уважения вашей родине, господин

Рембо! Я вам выражу эту мысль яснее в тосте, который с разрешения господина лейтенанта Форстера я провозглашу прежде всего.

И, встав, он поднял стакан очень высоко и сказал серьезным тоном, в котором слышалось волнение:

– Господин Рембо, я пью за наше общее отечество, за благородную, прекрасную Францию, богатую в своих стремлениях, деятельности и надеждах.

Затем он обратился к лейтенанту:

– Теперь, мой дорогой гость, пью за мою вторую, избранную мною, родину, за великую и прекрасную Америку, где мои предки два века тому назад породнились с вашими!

Лишь только старый офицер уселся, Морис спросил очень быстро, с блестящими глазами:

– Соотечественник? Следовательно, господин майор, мисс Кэт французского происхождения?

И молодой человек не сомневался в этом больше. Как он не угадал этого раньше?

Это был, несомненно, тип полковника одного из французских полков с фигурой старого солдата, твердой и решительной походкой, седыми закрученными вверх усами и сверкающими, веселыми, серыми глазами.

А эта прелестная девушка! Разве все не избличало в ней француженку? В ней были и грация, тонкие черты лица, нежная привязанность, гибкая талия и чарующая прелесть.

Тем временем майор продолжал объяснять, что его предок, по отцу барон Клод Гезей, сражался рядом с Лафайетом во время незабвенной борьбы за независимость. Он был в дружбе с генералом. Они окончили одновременно гимназический курс в Клермоне. Их тесно связывало благородство души и любовь к приключениям. Они сражались оба в первых рядах при Йорктауне и Сарагосе.

Но когда генерал вернулся во Францию, где вел деятельную жизнь сначала в крепости Ольмюц, затем в качестве начальника парижской национальной гвардии в июле 1830 года, Клод Гезей не последовал за ним. Увлечшись девушкой из окрестностей Вашингтона, он навсегда поселился в молодой Америке.

– И мы стали родоначальниками, господин Рембо, но странное дело – в этой стране дельцов и промышленников мы сохранили военный дух, воинственные наклонности того Гезея, который служил при нашем короле Людовике Шестнадцатом. Если вам известна история последних шестидесяти лет этой страны, вы вспомните страницу, посвященную Роберту Гезею, прославившемуся вместе с союзниками в междоусобной американской войне. А также Симону Гезею, погибшему на одной из первых известных подводных лодок, так называемых «девис», взорвав на Потомаке союзный монитор. Мы лишились нашего баронского титула, так как дворянские титулы не играют никакой роли в нашем новом отечестве, но мы принадлежали к военной аристократии, ибо все мужские потомки Клода Гезея в продолжение двух столетий были военными или моряками. Один из моих братьев командует в настоящее время бронированным крейсером «Колорадо» и, быть может, случайно, во время начинающейся теперь войны, это судно – одно из прекраснейших в нашем флоте – будет крейсировать в водах Мидуэя. Дай бог!

Глухой гул, сопровождаемый ударом с металлическим отзвуком, прервал старого офицера; взорвался на скалах японский снаряд, и один из его осколков задел чугунную ставню, закрывавшую единственную амбразуру каземата.

Морис Рембо вздрогнул и взглянул на молодую девушку. Она не пошевелилась.

Ее юная душа была уже закалена от страха перед опасностями, среди которых она постоянно находилась. Она была достойным потомком товарищей по оружию Лафайета. Молодой человек смотрел на нее взором, полным удивления и нежности. В душе внезапно зародилась симпатия к этой красивой полуфранцуженке, красота и изящество которой напоминали тонкие миниатюры XVII века.

Она озаряла этот мрачный каземат. И точно так же как взращиваемые ею цветы превращали несколько квадратных метров гранита в уголок райского сада, так и она своим присутствием преображала эту голую скалу. И не испытывшее еще страсти сердце Мориса Рембо билось в его груди ускоренным темпом, когда голубые глаза молодой американки случайно встретились с его глазами.

Гибель «Макензи», его разочарование при высадке на этот утес, представившийся ему невыносимым местом изгнания, утрата дирижабля, который только и мог дать ему возможность уйти отсюда, – все было забыто. Казалось, в душе нарождалась новая заря. Он не отдавал себе отчета в эту минуту, но все его проснувшиеся силы придавали его взгляду, движениям, разговору, такое оживление, веселость, что вызвали сдержанную улыбку на устах лейтенанта Форстера.

И, несомненно, этот последний, угадав все то, что происходило в душе его нового друга, хотел содействовать нарождающемуся счастью. Вот почему он, отозвав майора в сторону и коснувшись вопроса об империализме, затеял беседу о необходимости для Америки сухопутного войска, достойного ее флота, совершавшего кругосветное плавание.

Он не ошибся, предположив, что старый вояка не отстанет от него в этом вопросе и, страстно интересуясь вопросами вооружения и завоевания, даст возможность вести на другой стороне каземата иной разговор. Нет, не иной, так как тема разговора осталась без изменения. Молодые люди продолжали говорить о Франции и Америке. Но Морис Рембо был очень далек от обсуждаемого вопроса, и кто знает, что происходило в душе Кэт Гезей, в которой в силу атавизма проснулись смутные, неизведанные ощущения!

Несколько мгновений спустя девушка благодаря мягкой настойчивости собеседника стала гораздо откровеннее, чем была в продолжение завтрака.

Молодой человек заставил ее высказать свой взгляд на некоторые исторические вопросы. В отличие от многих молодых американок, происходящих от счастливых авантюристов, которые не могут, беседуя о своей родине, пойти дальше Вашингтона, мисс Кэт выросла на воспоминаниях о своей первоначальной родине. Для нее царствования Людовика XV и Людовика XVI казались событиями недавнего прошлого. Она совершенно не отдавала себе отчета, что от этих царствований ее отделяли могилы кровавой, малоизвестной ей революции, составляющей для многих французов первую страницу истории. Эту страницу они изучают с большим вниманием и любовью, чем историю былой монархии.

Она не ушла дальше летописей французского двора, поэзии Оссиана, идиллий Бернарден де Сен-Пьера и картин Греза. Прочно связанная с прошлым, которое она изучила по семейным архивам гораздо лучше, чем современную историю своей новой родины, Кэт мало-помалу отважилась завести разговор о славных делах Франции, Крестовых походах и Людовике Святом, Жанне д'Арк, герцоге Бургундском и плеяде золотого века.

Морис Рембо слушал ее с восторгом, убеждаясь в ее серьезном и разностороннем образовании, прочно установившемся вкусе, любви ко всему прекрасному и великому. Он благословлял случай, забросивший его на одну из скал далекой Полинезии, чтобы найти скрытое здесь сокровище.

Майор окончил свою беседу.

– Кэт занимает вас своей болтовней, господин Рембо... Она говорит, конечно, о Франции, о «милой Франции», как говорили в старину. Я обещал поехать с ней в Париж, когда меня уволят от командования крепостью! Бог знает, когда это будет, ввиду начинающих у нас ужасов войны!

Девушка, покраснев, прервала разговор. Инженер стал с увлечением, чувствуя на себе насмешливый взгляд Форстера, выражать удовольствие, доставленное ему этой беседой, и в эту минуту раздался резкий, нервный и нетерпеливый стук в дверь.

Не дождавшись ответа, стучавший вошел в каземат.

Это был человек исполинского роста с утомленным лицом, с длинными усами, напоминающий средневековых всадников, так картинно изображаемых на гравюрах. При нем была шпага, револьвер на перевязи и на голове шляпа, которую он не успел снять.

– Господин комендант! – сказал он.

Но майор Гезей встал и с изысканной вежливостью промолвил:

– Господа, позвольте вам представить моего старшего офицера, капитана Бродвея.

– Господин комендант, – начал вновь прибывший, – простите мое неожиданное вторжение. И вы, мисс Гезей, также...

Он не мог говорить от сильного волнения.

– Вы принесли дурные вести, Бродвей? Наши башни, вероятно...

– Очень дурные вести! Но дело идет не о башнях... Водохранилище опустело...

– Каким образом... – говорите!

– Опустело, комендант! Опорожнено в эту ночь... Это, несомненно, новый удар со стороны этих проклятых япошек... И совершенно непонятно, каким образом выпущена вода...

– Как? Непонятно?

– Я входил в воду, искал... Потеряв надежду найти причину, я пришел предупредить вас.

И в самом деле, ноги офицера промокли до самых колен и с его рукавов, которые, вероятно, были погружены в воду, она струилась на паркет.

Лицо майора сразу побагровело, и он бросился из комнаты, а вслед за ним ушел и лейтенант Форстер.

– Боже мой! – воскликнула, бледнея, девушка. – Это самое тяжелое бедствие, которое может нас постигнуть!

Морис Рембо собирался уходить, но трогательное замечание Кэт удержало его у самого порога.

– Это был, вероятно, весь запас воды, мисс?

– Да, и отец говорил еще вчера, что едва ли удастся пароходам-водоемам теперь дойти сюда из Гонолулу... Наши резервуары были наполнены дождями в марте и апреле... Теперь пройдет восемь месяцев без дождя... Что будет с нами?

– Я иду к вашему отцу и тотчас вернусь сообщить вам обо всем... Мисс, я надеюсь, что эта беда поправима...

– Помогите, Боже! – сказала она, сложив руки.

* * *

Прислушиваясь к удалявшимся шагам, Морис Рембо догнал своих товарищей.

Пройдя по двум коридорам, расположенным под прямым углом, он спустился за ними по высеченной в скале лестнице с железными перилами, заделанными в гранитную стену и освещенной кое-где лампочками в виде ночников.

Последний коридор открывался у подножия лестницы и оканчивался массивной и низкой дверью под широким сводом, облицованным глазированными кирпичами: он был высотой ровно в рост человека.

Два больших, параллельно расположенных бассейна от восьми до десяти метров длиной и от трех до четырех метров шириной тянулись под этим обширным сводом.

Гладкий и еще влажный бетон, покрывавший бассейны, был через известные промежутки пересечен фильтрующими решетками, через которые должна была проходить вода, собранная на поверхности острова при помощи искусной канализации.

Один из бассейнов был совершенно пуст; в другом еще было некоторое количество воды, между тем как в бассейне обыкновенно находилось воды на три метра.

– Но куда же уходит вода? – воскликнул майор, дрожащим от волнения голосом.

Морис Рембо быстро осмотрел пустой бассейн: в одном из углов он увидел уходящую в бетон белую рукоятку, которая цветом и покрывавшим ее слоем ничем не отличалась от бетона.

В одну минуту молодой человек вскочил в другой бассейн, из которого понемногу продолжала уходить вода.

Он нагнулся, ощупал, погрузил руки в воду, спустя мгновение выпрямился и сказал:

– Унял течь!

– Каким образом? Где?

И голос майора Гезея становился все более сдавленным.

– Дайте, пожалуйста, руку, Арчибальд, помогите вылезти отсюда...

Но капитан Бродвей уже протягивал молодому французу свою огромную руку, и эта рука сильным движением вытянула молодого человека без видимого усилия из импровизированной купели.

Весь мокрый Морис Рембо привел всех присутствовавших к углу пустого бассейна, где он нашел рукоятку-кран...

– Инженер, строивший эти бассейны, – сказал он, – умышленно устроил в каждом из них большое отверстие, которое можно открыть при помощи пробки, снабженной рукояткой. Смотрите: она покрыта белой эмалью; медная была бы слишком заметна. Кроме того, обе рукоятки были, вероятно, до сдачи работ и до наполнения бассейна погружены в какую-то белую мастику для того, чтобы они совершенно не были заметны.

– Ведь это строил японский инженер! Но кто же мог повернуть рукоятку и открыть свободный выход для воды? – спросил майор.

Никто не ответил на этот вопрос, но ответ был у всех на устах: только изменник, шпион, японец, следовательно, dokonчил дело, подготовленное строителем.

– Негодяй, совершивший это, вынужден был окунуться в воду, имеющую три метра глубины, – заметил капитан Бродвей. – Эта улика может послужить основанием для расследования и поможет отыскать виновного.

Но лейтенант Форстер, подойдя к углу бассейна, в который только что лазил его друг, показал лежащий на дне длинный железный стержень, представляющий на одном конце ключ, а на другом оканчивающийся крестом.

– Негодяю не было надобности лезть в воду, – сказал он, – вот ключ, которым он пользовался для того, чтобы открыть трубы. Затем он избавился от него, бросив сюда... Все было предусмотрено заранее...

Майор Гезей был глубоко поражен. Он спросил еще раз:

– Уверены ли вы, что уняли течь?

На этот вопрос ответили молчанием. Нужно было несколько минут наблюдения по сделанным на бетоне меткам, для того чтобы убедиться в неизменности уровня воды.

Когда это было констатировано, комендант спросил:

– Памятная книжка у вас, Бродвей?

– Есть.

Майор Гезей с большим усилием старался сохранить спокойствие.

– Пишите цифры, которые я вам продиктую, – это размеры бассейнов, сохранившиеся в моей памяти: тридцать футов один дюйм и тринадцать футов восемь дюймов; глубина воды, по вчерашнему рапорту, равнялась восьми футам трем дюймам. Вычислите мне скорее нормальную вместимость – эта цифра ускользнула из моей памяти. Вычисляйте скорее, Бродвей!

Великан, рука которого дрожала, неловко водил карандашом, вычеркивал, снова начинал писать, и майор нетерпеливо взял из его рук книжку.

– Это больше по вашей специальности, молодой человек, – сказал он нервно, подавая Морису Рембо книжку, – нежели нашего старшего офицера: притом он слишком взволнован для того, чтобы делать какие-либо вычисления.

– Вы хотите знать вместимость обоих бассейнов?

– Да, в галлонах.

– Ваш галлон равен четырем с половиной наших литров?

– Я знаю, что он равен нашим восьми пинтам³, а единица ежедневного потребления воды равна галлону.

Молодой человек быстро писал карандашом.

– Каждый бассейн, – сказал он, – вмещал немного более двадцати тысяч галлонов, или девяносто тысяч литров.

– Значит, в двух резервуарах у нас был запас воды в сорок тысяч галлонов. Если считать по одному галлону на человека в день, то воды хватило бы на триста дней. Сколько же осталось теперь?

Это был мучительный вопрос.

Появился какой-то сержант. Ему было поручено принести деревянный шест и метр из мастерской. Когда он вернулся, инженер тщательно вымерил глубину оставшейся воды. Ее было меньше, чем предполагали – не более полутора футов!

– Здесь не более трех тысяч двухсот галлонов, то есть четырнадцать тысяч пятьсот литров – объявил через мгновение инженер.

– На сколько же дней хватит воды для гарнизона в сто сорок человек?

– На двадцать три дня!

Эти роковые слова раздались среди общего молчания. При ярком свете, падавшем со сводов, в воде отразились грустные лица.

Майор Гезей, точно загипнотизированный этим отражением, хранил молчание.

Оно было нарушено Бродвеем.

– Нам не хватит воды и на двадцать три дня, – сказал он, обращаясь к коменданту. – Некоторые машины не выносят морской воды; ацетиленовые генераторы и другие требуют пресную воду, трех тысяч двухсот галлонов еле хватит на две недели.

Морис вспомнил о цветах мисс Кэт, которые также требовали поливки и не могли довольствоваться морской водой.

– Мы сократим ежедневное потребление воды, – сказал майор. – Нужно держаться до прихода нашей эскадры.

– Наша эскадра не прибудет сюда ни через две недели, ни даже через двадцать, ни через двадцать пять дней. Всякое сообщение с континентом отрезано, и я не понимаю, каким образом она может прийти на помощь Мидуэю в такой краткий срок?

Это были слова лейтенанта Форстера, и так как на это не нашлось серьезного возражения, то воцарилось глубокое молчание.

Пришел лейтенант Спарк, также очень взволнованный.

– Господин комендант, – сказал он, – я уверен, что это дело рук этого негодяя Нарвона...

– Нарвона? Повара?

– Да! У него был доступ к бассейнам по условиям его службы и уж в самом начале расследования я узнал, что он брал несколько раз, в том числе и вчера, ключ от железной двери под предлогом осмотра водопроводной трубы, идущей от резервуаров в его кухню...

– Есть еще одна улика, – сказал капитан Бродвей, – это его близость с телеграфистом, исчезнувшим накануне первой бомбардировки.

– Наденьте на Нарвона кандалы и немедленно обыщите его вещи, – сказал майор. – Если он будет уличен в преступлении, то должен быть тотчас расстрелян. Это событие напомнило мне, что до сих пор у нас не установлено еще военное положение. Я издам приказ о назначении членов военного суда. Вы будете назначены председателем, господин Бродвей!

³ Пинта – 0,56 л.

Великан поклонился, но лейтенант Спарк недоверчиво покачал головой:

– Нарвон исчез в эту ночь, господин комендант. Его помощник, с которым я только что беседовал, не видел его со вчерашнего дня и совершенно не знает, куда он девался.

– Он не покинул остров и, вероятно, скрывается среди скал, расположенных вдоль берега. Нужно немедленно послать патруль...

– Мне кажется, что вы не найдете его, – вмешался старший офицер с «Макензи». – В последнюю ночь, когда мы с моим другом Морисом с нетерпением ожидали за первым рядом скал восхода солнца, мы слышали характерный стук падающего в воду тела. Это был, вероятно, ваш Нарвон, знавший по ему одному известным приметам, что на близком расстоянии проходил японский миноносец или обыкновенная лодка, и он рассчитывал добраться до них вплавь.

Морис Рембо жестом подтвердил его слова.

– Значит, мы окутаны настоящей сетью шпионов? – воскликнул майор, слишком долго сдерживаемое раздражение которого наконец вспыхнуло.

– Да, всюду измена, господин комендант, – сказал капитан Бродвей. – У япошек это самое любимое средство и самое опасное для нас.

– Таким образом, в один прекрасный день мы можем быть свидетелями, как перестанут действовать наши башенки, пушки не будут стрелять, и электричество вдруг потухнет.

Старый офицер нервно провел рукой по седым волосам, сделал несколько шагов и остановился, скрестив руки:

– Господа! – сказал он. – Наше положение стало в несколько минут гораздо серьезнее, чем вчера. Необходимо, чтобы это отозвалось на дисциплине. Американские войска отличались до сих пор от европейских некоторой небрежностью по отношению к службе, излишней фамильярностью между офицерами и солдатами и большим равнодушием к выправке и аккуратности. Вы согласитесь со мной, что это направление необходимо изменить. Недостаточно говорить, что «при храбрости и припасах можно держаться под защитой крепостного вала бесконечно», – нужен еще строго установленный надзор, необходимы подробные отчеты о всяком событии, нужна абсолютная субординация по рангам... Я буду требовать этого от всех, начиная с сегодняшнего дня.

Затем, подойдя снова к резервуару, он сказал:

– На две недели воды! Подумайте, господа, что через две недели я буду вынужден сдать Мидуэй. Отдать Мидуэй!

Это предположение показалось ему таким невероятным, что он расхохотался тем хохотом, под маской которого сильные люди часто скрывают слезы.

Он подошел к Морису Рембо, положил руку на его плечо и, как бы приглашая его в свидетели, сказал, отчеканивая слова:

– В нашей истории, мой дорогой соотечественник, выделяется одна благородная личность – это Баярд, рыцарь, верный своему долгу и королю. Я хочу, как и он, быть без страха и, главным образом, – без упрека. И так как судьбе угодно было закинуть меня сюда, на эту передовую линию наших островов, то я буду защищать до последней капли крови укрепления, вверенные мне судьбой и американским народом. Прежде чем сдать Мидуэй, его пушки, уголь и мою честь вдобавок, я сожгу уголь и взорву все остальное.

Капитан Бродвей и лейтенант Спарк поклонились в знак сочувствия.

– Располагайте мной, господин комендант, – сказал тогда лейтенант Форстер. – Я, несомненно, предпочел бы сражаться на моем чудном броненосце «Коннектикут», но нужно покориться судьбе. Мидуэй представляет собой судно, бросившее якорь в Тихом океане лицом к лицу с неприятелем. Мы взорвем это судно, когда прикажете.

– А вы, дорогой соотечественник, – обратился старый офицер взволнованным голосом к Морису Рембо, глядя ему в лицо. – Каковы ваши намерения? Ваши знания как инженера могут очень пригодиться нам, хотя бы для уничтожения этого огромного склада угля,

прежде чем взорвать крепость. Мы располагаем двумя неделями для подготовки и выполнения этой работы, состоящей частью в потоплении, частью в сожжении наших толстых слоев угля. Вы принадлежите к стране, остающейся нейтральной и которая поэтому, очевидно, пожелает остаться нейтральной и в этой войне. Поэтому вы имеете право быть и здесь нейтральным. Какую роль вы решили играть у нас?

– Я уверен, что вы знаете вперед мой ответ на ваш вопрос, – сказал молодой человек, крепко пожимая протянутую ему руку. – Я не позволю себе стать очень близко к вам, так как это было бы дерзостью, но хочу всегда быть подле вас, точно так же, как ваш прадед находился всегда около Вашингтона.

– Я так и знал, дорогой соотечественник... Мы докажем, что наши отцы передали нам некоторые военные доблести и между ними чувство чести, доходящее до самопожертвования. У нас имеется до трехсот тысяч фунтов пороха в двух складах: это больше, чем нужно для уничтожения целого города. Не возьметесь ли вы распределить в подходящих местах и соединить между собой минные камеры, которые вознесут Мидуэй в царство звезд? Я прошу даровать мне честь зажечь все это.

И когда молодой человек ничего не ответил, он продолжал:

– Быть может, вы возьметесь уничтожить уголь? Это важное дело, важнее всех других. Оставить в распоряжении японцев огромное количество угля, собранного здесь нашим адмиралтейством под защиту наших пушек, это значит дать их эскадре возможность сжечь Сан-Франциско.

У Мориса Рембо исчезла вся его уверенность, подсказавшая ему первый ответ Гезею. Его глаза избегали взгляда майора, чувствовавшего, как в его руке слегка дрожит рука юноши...

– Ну-с, что же, господин Рембо?

– Господин комендант, – пробормотал молодой человек, – а мисс Кэт?

Лицо старого воина приняло скорбное выражение.

Он ничего не ответил, точно его поразило неожиданное несчастье.

Весь погруженный в сознание своего долга и ответственности, он забыл на минуту свое прелестное дитя, которое он любил больше всего на свете, и ему напомнил о ней этот чужестранец, человек, познакомившийся с ней только несколько часов тому назад...

В эту самую минуту открытая маленькой ручкой железная дверь заскрипела на своих петлях и показалась красивая головка Кэт.

Ее большие глаза газели, отуманенные грустью, вопросительно переходили с отца на присутствовавших офицеров.

– Папа... извини, я не могла дожждаться... Что случилось?..

– Ах, бедное дитя! – И для того, чтобы скрыть слезу, упавшую на его седые усы, он подошел к ней и поцеловал ее в лоб. – Пойдем, – сказал он вполголоса. – Я расскажу тебе там все...

Овладев собой, он повернулся у тяжелой двери и сказал:

– Решено, господа, мы исполним свой долг до конца...

Ответом был глухой взрыв японского снаряда.

Глава 5

Проект инженера

Морис Рембо вышел из помещения водоемов и отправился в машинное отделение, потрясенный промелькнувшим перед ним призраком несчастья.

Он прочитал множество драм, где долг боролся с чувством, и свyksя с мыслью, что такие положения встречаются только в воображении романистов. Но судьба столкнула его лицом к лицу с подобной борьбой, где долг требовал от чувства величайшей и самой тяжелой жертвы.

Майор Гезей страстно любил свою дочь. Она была для него всем. С ней он переживал все моменты прошлого, когда оно не было посвящено его служебным обязанностям.

Достаточно было увидеть, с какой бесконечной любовью он смотрел на нее, чтобы понять, что в этой прелестной девушке была сосредоточена вся его любовь, согревавшая старческое сердце служаки.

Какой печальный взгляд бросил он на нее только что, и какие подавленные рыдания слышались в его последних словах, обращенных к своим товарищам по оружию!

«Он исполнит свой долг до конца» – этот несчастный отец, но какой ценой!

Морис Рембо вздрогнул при одной мысли о старике, точно пришибленном под бременем тяжелой судьбы. Он сознавал, что так живо сочувствовал горю отца Кэт потому, что оно отражалось в его душе с удивительной остротой.

Все содействовало тому, что эта девушка была окружена в его глазах поэтическим ореолом: одиночество, опасности, ее происхождение, взлелеянные ею цветы и что-то сохранившееся в ней в виде грации и изящества француженки старых времен.

Напрасно молодой человек уверял себя, что заявление майора Гезея относилось к числу тех, которые не доводятся до конца, потому что покупаются ценой многочисленных человеческих жизней.

Но все, что ему было известно об этом энергичном воине, его предках и прошлом, опровергало его оптимистический взгляд.

Комендант Мидуэя не принадлежал к практическому и эгоистическому поколению своего времени. Это был смельчак, который не остановится перед безумным геройством, примерами которого полна история старой Франции.

Самое большое, что он может сделать – это постараться избавить свою дочь от ужасной катастрофы, которая превратит Мидуэй в разрушенный вулкан. На острове находилась моторная лодка; отец, несомненно, потребует, чтобы она выехала на ней в открытое море во избежание последствий страшного взрыва. Но согласится ли она?

И молодой человек ответил отрицательно на этот мучительный вопрос.

В глазах Кэт рядом с мягкостью и умом сверкала большая решимость. Она не захочет пережить катастрофу, первой жертвой которой падет ее отец, не захочет тем более попасть живой в руки японцев.

В эту трагическую минуту она почувствует себя француженкой, но не скажет словами молодой пленницы:

О смерть, подожди! уходи! уходи!
Не все погибло для меня.

Эти стихи были ей чужды. Она пожелает разделить участь своего отца и своих цветов.

«Хорошо! – подумал Морис Рембо, придя к такому заключению. – Мы умрем все вместе! И постараюсь быть около нее в последнюю минуту... Если бы ее рука лежала тогда в моей руке!...»

Эта мысль заставила его вздрогнуть. Любовь наполняла его душу с такой же быстротой, с какой в прошедшую ночь море наполнило трюм на «Макензи». Ужасная драма, совершившаяся на его глазах, изгладилась из его памяти. Он говорил себе с некоторым удовольствием: «Мне предстоит провести около нее две недели. Если бы она могла полюбить меня, то эти две недели стоили бы целой жизни!»

Два залпа больших крепостных орудий прогремели с вершины форта, не прервав грез молодого человека. И только вошедший лейтенант Спарк вернул его к действительности.

– Положение не может быть таким отчаянным, как полагает комендант. Разве у нас не имеются здесь в достаточном количестве жизненные и боевые припасы? Разве мы не можем построить машину для дистиллирования воды и сделать ее годной для употребления?

Заметив, что молодой француз слушает его рассеянно, он обратился к мастеровому, следившему за ходом сверлильной машины.

– Скажите, Кердок, – промолвил он, – не можете ли вы устроить нам прибор для дистиллирования?

Невзрачный человек представлял резкий контраст с его широкоплечими товарищами атлетического сложения. Смуглый, с черными, как смоль, волосами, маленькими, глубоко сидящими в своих орбитах глазами, Кердок ответил быстро, не переставая поворачивать кусок металла, разрезаемый стальными лезвиями:

– У нас не хватит труб, лейтенант.

– Как? А та, которая вела в пустую цистерну и не нужна теперь?

Мастеровой покачал головой:

– Прибор... здесь приготовленный... не даст много воды... сразу.

Лейтенант Спарк снова подошел к Морису Рембо.

– Под вашим руководством, – настаивал он, – Кердок легко устроит прибор подобного рода. Допускаете ли вы возможность этого устройства? Кердок – очень сведущий механик, лучший в мастерской.

Инженер в ответ на эти слова ограничился неопределенным жестом, бросив рассеянный взгляд на рабочего.

– Смешная фигура, не правда ли? – сказал тихонько лейтенант. – Он явился сюда из Канады, помесь индейца с португальцем. Кого только нет в нашей армии!

Скрестив руки, он остановился перед французом и сказал:

– Нет, не может быть, чтобы комендант был доведен до крайности, о которой он говорил сейчас. В ту минуту, когда вы напомнили ему о мисс Кэт – и я хотел сделать то же самое... Невозможно, не правда ли, чтобы эта чудная девушка была принесена в жертву... От нас этого требует наша служба, но она... она...

В одном этом слове «она» уже изощренное чутье Мориса Рембо подсказало ему скрытое обожание.

Безмолвный червячок, влюбившийся в звезду! Он наморщил лоб. Это открытие причинило ему острую боль. Его страдания усилились.

Но разве можно было допустить, что эта прекрасная девушка, озаряющая своей красотой мрачные коридоры крепости, не взволнует чье-либо сердце, не возбудит поклонение многих?

Он направился в предназначенный для него каземат и бросился на кровать. Но он не мог уснуть и, ворочаясь с боку на бок, охваченный лихорадочным волнением, машинально поднялся и направился к своей одежде, разложенной для просушки на стульях.

Не лучше ли переодеться и сбросить эту форму, в которой он ничем не отличался от остальных защитников Мидуэя и походил на Спарка?

В боковом кармане он нащупал свой бумажник, тяжелый бумажник, набитый не банковскими билетами, которых у него никогда не было, а набросками, чертежами и вычислениями по аэростатике.

Он подумал, что многие бумаги, имеющие для него особенно важное значение, попорчены морской водой, которая совершенно уничтожит на них буквы, если он не поспешит высушить бумаги. Он развернул их с большой осторожностью, разложил на столе и вдруг радостно вскрикнул.

На одной из них он увидел очень подробный чертеж, сделанный китайской тушью и поэтому не попорченный водой. Он представлял собой аэроплан и расплылся только в тех местах, где были красные чернила. Это был не тот аэроплан с тяжелым коробкообразным стабилизатором, как задумали первые французы – Фарман, Делгранж и Вуазен, осуществившие чудо-полеты людей.

Это не был также гениальный биплан знаменитых братьев Райтов с их чудесными опытами – но аэроплан, напоминавший своей конструкцией, изгибом и формой крыльев птицу, первые модели которого были демонстрированы Блерио и Латамом во время известного конкурса в Реймсе, давшего несколько лет тому назад такой сильный толчок авиации. Этот аэроплан напоминал гигантскую стрекозу.

Крылья его, изображение которых лежало перед Морисом Рембо, представляли две расположенные друг над другом плоскости, из которых одна выдавалась над другой и соединялась с нею на двух третях длины крыла.

Молодой человек довольно долго рассматривал чертеж, представлявший результат двухлетней работы. Затем он отыскал другой чертеж, изображавший тот же прибор в профиль и дававший разрез по краю крыла.

Погруженный в свои размышления, он долго разглядывал его.

Вдруг он выпрямился, точно его озарило какое-то вдохновение, и быстро спустился в машинное отделение. Он разложил оба чертежа на станке, где работал мастерской, имя которого он запомнил...

– Кердок, – обратился он по-английски, – вам известно, что это изображает?

Метис рассеянно взглянул на чертежи и украдкой, молча посмотрел на Мориса Рембо.

– Вы не имеете никакого представления об этом?

Рабочий снова помолчал, наконец ответил, не поднимая головы.

– Механическая птица... я знаю. Я видел подобную птицу в Квебеке в прошлом году... на конкурсе авиации...

– Вы сведущи по вопросам, касающимся двигателей?

– Я работал пять лет над автомобилями.

– Видите, вот эти изогнутые ребра сделаны из металла – алюминия или стали за неимением алюминия. Найдется ли здесь тавровое железо?

Утвердительный кивок был единственным ответом метиса, по-видимому, не любившего многословия.

– Не знаете ли вы еще: есть ли в Мидуэе подобное полотно, покрывающее крылья?

– Это относится к хранителю пакгауза. Я не знаком с пакгаузом.

– В таком случае оставим вопрос о полотне. Займемся остовом! Считаете ли вы возможным соорудить его под моим руководством?

Метис взял чертежи, рассматривал их близко и долго, с видом знатока, затем сказал быстро:

– Для чего это нужно?... Летать?..

– Понятно! Для чего же другого я стал бы строить этот прибор?

– В самом деле летать?

– Ведь я же сказал вам!.. Этот род аэроплана испытан. Я видел его модель, хуже этого, – державшуюся в воздухе тридцать часов.

Маленькие глаза метиса впились в молодого человека, точно они хотели убедиться в верности такого категорического утверждения.

– Тридцать часов! – повторил он. – А какова его скорость?

– Семьдесят морских миль в час... Девяносто при благоприятном ветре...

Легкое движение мускулов лица выдало удивление молчаливого собеседника.

Он взглянул еще раз на чертеж и остановил вращение куска стали, который он сверлил.

– Вы хотите построить этот аэроплан... здесь?

– Да!

– И летать?

– Я сказал вам...

– Для того чтобы покинуть Мидуэй?

– Конечно, не для того чтобы кружить вокруг...

– Нужен будет мотор!

– У меня есть...

– Во сколько сил?

– Восемьдесят лошадей.

И снова испытующий взгляд метиса остановился на молодом французе; загадочный человек был, очевидно, заинтересован. Он стал опять рассматривать чертежи.

– Ваши крылья подвижны?

Этот вопрос очень удивил инженера. Он обнаружил довольно большие познания в области аэронавтики, потому что искривление крыльев, подвижность их опорных плоскостей установили превосходство аппаратов Райта во время авиационных конкурсов.

– Да, – ответил Морис Рембо, – искривление крыльев начинается на третьем пролете и производится при помощи тяги.

– Где же руль высоты?

– Его нет; руль направления самостоятельно исполняет его функцию, перемещаясь в вертикальной плоскости. Если повернуть рычаг тяги вперед или назад, то руль направления даст искривление плоскости вверх или вниз.

– В таком случае им может управлять один человек?

– Строго говоря, да; если бы не нужно было следить за двигателем.

– На сколько человек рассчитан аэроплан?

– На двоих. Было бы неблагоприятно отправляться одному в такой далекий путь, но три человека перегрузили бы его.

Помолчав, метис продолжал:

– У вас есть мотор?

– Я уже сказал вам.

– Он находится в лодке, которую вы оставили на берегу?

– Да!

– Он, вероятно, испорчен: в то место попало много снарядов.

– Надеюсь, что он не пострадал... Лодка была защищена со стороны моря большой скалой.

Морис Рембо все более удивлялся вопросам, сыпавшимся на него. Этот рабочий, сведущий в аэропланах, без сомнения, не был обыкновенным рабочим. Если зародившаяся в голове инженера мысль и могла быть осуществлена, то только при помощи этого рабочего. Но Рембо не мог поделиться с комендантом этой замечательной идеей, прежде чем не убедился в наличии средств для ее осуществления.

– Скажите, – настаивал он, – считаете ли вы возможным построить этот корпус при помощи тех средств, которыми вы располагаете?

– У нас есть все, что нужно.

– Можно ли построить его в продолжение трех – не более четырех дней?

Метис покачал головой.

– Сколько у вас здесь слесарей?

– Двенадцать!

– Этого более чем достаточно, если работать день и ночь. Кто из них состоит мастером?

– Я!

– Отлично! Хотите работать со мной над изготовлением аэроплана?

– Я согласен, – ответил метис, подумав, – но с условием...

– С каким условием?

– Чтобы лететь вместе с вами...

Ясность, решимость и странность этого ответа еще увеличили удивление молодого француза. Ему были известны некоторые черты американских солдат и рабочих. Он знал, что солдаты малодисциплинированны, а рабочие относятся с пренебрежением к начальству. Но ему не приходилось сталкиваться с подобным типом рабочего, подчиненного военному регламенту, занимающего ответственный пост в крепости и тем не менее ставящего свои условия, прежде чем согласиться работать для общего блага.

Он решил, что только комендант крепости имеет право ставить и принимать подобные условия, и уклонился от ответа на просьбу мастера.

Когда ему пришла мысль построить аэроплан своего образца, чтобы добраться на нем до одного из островов Океании, откуда можно было бы телеграфировать в Америку о положении Мидуэя, он и не подумал о шофере, который должен его сопровождать. Но вопрос этот неизбежно должен был возникнуть, так как он не мог ехать один. Быть может, ниспосланный Провидением механик был бы очень полезен, но этот человек не менее нужен крепости для некоторых необходимых исправлений во время защиты. И Морис Рембо не мог прийти ни к какому решению относительно этого рабочего.

– Моя роль здесь ничтожна, – сказал он, – я поговорю с комендантом о моем проекте. Он сделает распоряжения относительно вас.

Индеец махнул рукой, точно говоря: «Делайте как хотите». Его маленькие глаза, на минуту блеснувшие оживлением, потухли под опущенными ресницами, он надел передаточный ремень и принялся за работу.

Морис Рембо очутился перед дверью, на которой была надпись: «Комендантское управление».

Он легко отыскал его среди лабиринта лестниц и коридоров, постучал два раза бронзовым молотком и машинально толкнул дверь, не ожидая ответа.

Дверь тотчас подалась, и молодой человек, углубленный в свой проект, сделал уже несколько шагов, но отступил, кланяясь и робко бормоча слова извинения. Кэт Гезей была в конторе и стояла за стулом сидевшего здесь майора. Она обняла его за шею и, нагнувшись к нему, казалось, шептала слова утешения.

Увидев вошедшего инженера, она выпрямилась и попробовала скрыть свое смущение под слабой улыбкой.

Морис Рембо стал в замешательстве повторять свои извинения.

– Сударыня! Комендант! Я позволил себе... я нашел, кажется, средство для спасения...

И я не мог побороть желание поделиться с вами сейчас же... Вы позволите?

Майор встал и повернулся к молодому человеку, стараясь скрыть следы своего волнения. Но выражение глаз выдавало его настроение.

Старый солдат плакал.

При виде трогательной картины привязанности этих двух избранных натур, этой Антигоны с небесными глазами, овладевшей его душой безраздельно, молодой человек мгновенно пришел в себя.

Так как вдохновившая его мысль могла спасти обоих, то он готов был потратить на это всю свою энергию. Он развернул чертежи на столе майора и изложил свой проект в коротких, категорических выражениях. Если ему дадут необходимых рабочих, он берется построить в одну неделю аэроплан, детали которого старательно им изучены. Когда аппарат будет готов, он уверен, что достигнет на нем скорости от 150 до 180 километров в час и таким образом в один день доберется до Гонолулу или другого пункта, откуда можно было бы телеграфировать в Сан-Франциско обо всем, что ему прикажут.

Когда он окончил свой доклад, отец и дочь обменялись долгим взглядом. У обоих родилась одна и та же мысль: идея очень смелая, но химерическая – они считали этот проект безумным.

Молодой француз действительно принадлежал к числу живущих утопиями мечтателей, которые еще встречаются на озаренном солнцем Провансе, где поют кузнечики и подвизаются Тартарены.

Если он действительно происходил, по его словам, из Лотарингии – родины уравновешенных и черствых французов – то в числе его предков, вероятно, находился какой-нибудь родственник Сирано XVII века, написавшего «Иной мир», где он поразил своих современников рассказами о фантастическом путешествии на летательной машине в «страну птиц».

– Мой дорогой инженер, – начал майор. – У вас доброе сердце, и я не сомневаюсь, что ваш аппарат, основательно построенный, мог бы совершать далекие полеты. Но прежде всего, понадобятся недели, месяцы, быть может, для того чтобы довести его до конца. Притом вы попали в Мидуэй, в самый уединенный уголок земного шара. Ближайший остров, на который вы могли бы спуститься, находится на расстоянии тысячи миль отсюда. Никогда, даже если бы вы довели до конца постройку вашей механической птицы, я не позволил бы вам рисковать своей жизнью, так как эта попытка окончилась бы роковым образом – падением в море. Верьте мне, вы будете нам полезны здесь.

Морис Рембо горячо протестовал:

– Заклинаю вас, комендант, не считайте меня мечтателем. Вспомните, что я работал над этим проектом два года, что подобные аппараты, даже менее испытанные, летали тридцать часов, не опускаясь на землю. Ведь случай привел меня сюда с сильным усовершенствованным двигателем, с совершенно готовыми винтами, которые необходимо только спилить для того, чтобы уменьшить их тяжесть. Я понимаю, что вам могут быть неизвестны успехи авиации во Франции, но после сенсационных опытов Блерио, Райта и других известнейших авиаторов, старавшихся вместе с ними открыть тайну устойчивости и продолжительности полетов, произошла как бы остановка в открытиях. Эта остановка была скорее кажущейся, так как люди продолжали работать во всех мастерских, авиаторских союзах, институтах авиации, и благодаря ежегодному конкурсу в Реймсе решение задачи значительно продвинулось вперед. Повторяю: я берусь отправиться за помощью куда только вы пошлете меня, с моим мотором в восемьдесят лошадиных сил.

Пылкие речи молодого человека дышали решимостью и отвагой. Майор только покачал в ответ головой и повернулся к своей дочери.

– Мисс, – молил инженер, – будьте защитницей моего дела, вы – добрый гений этого пустынного острова. Клянусь вам, что я могу добраться, доберусь... Я чувствую в себе такую силу, такую веру, что сам удивляюсь. Скажу больше – я уверен, что доберусь до Сан-Франциско, если мне удастся спуститься где-нибудь для того, чтобы запастись бензином. Вы не знаете, какой силой, какой скоростью обладает этот аэроплан, драгоценный чертеж которого Провидение позволило мне спасти. Его простота дает возможность построить его всюду, где есть

железо, кузница, плотники и искусные работники. Все это найдется здесь. В чем же состоит работа? Нужно сделать стальную раму, спаяв все точки соединения, затем обтянуть ее полотном, а это могут сделать и женщины. Итак, людей достаточно. У нас есть даже рабочий Кердок, по словам лейтенанта Спарка, – мастер своего дела, который под моим руководством соорудит все не хуже, чем на наших заводах – Биланкура и Пюто! Что я могу сказать еще? – проговорил он, оживляясь и молящим голосом, вместе с тем энергично отчеканивая слова: – Что еще я могу добавить, мисс, для того чтобы вы ясно сознали мое горячее желание спасти этот уголок вашей родины, ставшей и моей, точно так же, как моя родина была когда-то вашей. Я был бы счастлив, гордился бы своим успехом! – Затем он прибавил тише: – Я был бы щедро вознагражден вашим сочувствием и вашей памятью обо мне, если бы даже я погиб, прежде чем доехал...

Глаза молодых людей встретились, остановились друг на друге.

Искренность и живое красноречие инженера достаточно убеждали в его правоте, но девушка, кроме того, угадала что-то более важное в его душе.

В продолжение нескольких мгновений она читала в этой душе, как в открытой книге.

Она почувствовала, что этот незнакомец, появившийся здесь как милый товарищ, посланный ей судьбой на этот пустынный остров, влюбленный герой, жертвующий для нее, для нее одной, своей жизнью с героическим самоотвержением древних крестоносцев.

Необыкновенное волнение охватило все ее существо.

Ее бледность увеличилась, и рука еще сильнее обхватила шею отца, к которому она продолжала прижиматься, точно моля защитить ее от увлечения, с которым она не в силах бороться.

Это была незабвенная минута, когда решалась судьба этих двух достойных друг друга существ.

Среди воцарившегося тяжелого молчания послышался гул японской канонады, точно напоминая им, что прежде чем принадлежать друг другу, им придется подвергнуться тяжелым испытаниям.

– Папа, – взволнованно сказала девушка, – папа! Теперь я верю... Надо разрешить господину Рембо построить свой аппарат и дать ему все, что необходимо...

– Но, дитя мое, ты не знаешь, что до Оаху более двух тысяч километров и более пяти тысяч пядей – до Сан-Франциско. Японцы, несомненно, находятся в Гонолулу, сообщение с которым прервано, точно так же, как и у нас с континентом! Как ты можешь допустить, что на случайно и спешно сооруженном в несколько дней аэроплане можно предпринять без права спуститься где-либо, так как остановиться – значило бы потонуть, предпринять, говорю я, такой далекий путь, никогда еще не совершенный на аэроплане? Это безумие, повторяю, безумие, правда героическое, но я не могу его допустить...

– Комендант, – настаивал Морис Рембо, – ведь безумием были также названы нашим королем Людовиком Шестнадцатым первые воздушные путешествия Пилатра де Розье и маркиза д'Арланда – тоже наших соотечественников... Но с тех пор, однако...

– Папа, – перебила девушка с несколько лихорадочной поспешностью, – я верю! Верьте так же, как и я... Ничто не мешает построить птицу. Господин Рембо сделает вокруг острова несколько пробных полетов, причем можно на лодке следовать по его пути, в тот день, когда японцы дадут нам передышку... И вы увидите, свободно ли летает птица... Папа, нужно разрешить, верьте мне! У вашей Кэт хорошие предчувствия...

И во второй раз глаза Кэт и Мориса встретились, и легкий румянец разлился по лицу девушки.

– Вы нашли самое верное средство победить мое упорство, господин Рембо, – сказал наконец старый офицер. – Склонив Кэт на вашу сторону, вам легко было склонить и меня... Но я сдаюсь теперь в последний раз. Я предоставляю в ваше распоряжение всех слесарей гар-

низона; вы можете получить все, что вам нужно для постройки вашего аэроплана, обращаясь непосредственно к Спарку как заведующему хозяйством и которому я передам мои распоряжения. Но если я разрешу вам уехать, я еще не обещаю вам этого, – то вы рассчитываете ехать один?

– Нет, комендант, мне необходим товарищ, который исполнял бы должность механика на автомобилях для наблюдения за ходом машины и смазкой ее, за бензином, ибо мне невозможно ни на минуту оставить руль. Мне придется хорошенько выспаться перед отъездом для того, чтобы потом хватило сил бодрствовать двое суток, если это понадобится. Кажется, я нашел такого товарища – это Кердок.

– Кердок? – удивленно переспросила девушка. – Это метис, работающий в машинном отделении. Почему вы выбрали его?

– Потому что он просил меня об этом и умеет обращаться с моторами.

– Я согласна, что он представляет собой ценного работника при постройке, но в качестве верного товарища в пути – это другое дело... Как вы думаете, папа?

– Мисс, – сказал молодой француз, смеясь, – вы забываете, что на аэроплане товарищ всегда верен, если только он не решил тайно покончить самоубийством перед отъездом. Всякое покушение на управляющего аэропланом кончится падением обоих...

– Это верно, – сказала девушка, – но я буду беспокоиться, если вы поедете с ним. Вы говорили с ним? Обещали ему?

– Нет, мисс!

– В таком случае не давайте ему обещания.

– Я поеду с тем, кого вы назначите сами, мисс!

В эту минуту постучали в дверь.

– Войдите, – сказал комендант.

В комнату вошел лейтенант Форстер. Поклонившись, он обратился к своему другу.

– Очень рад встретить вас здесь, – сказал он. – Вы, конечно, найдете нужным попросить у коменданта разрешение ввести в крепость вашу бедную лодку или хотя бы остатки ее, потому что, насколько я мог разглядеть через сторожевую амбразуру, снаряд упал близ нее.

– Но она защищена скалой, за которую мы ее втащили...

– В эту минуту мы находимся под навесным огнем японцев, а от него нет спасения.

– Они метят, очевидно, в башенки.

– Скорее! – сказал инженер. – Нужно торопиться спасти лодку... Вся моя надежда в ней: если уничтожен или хотя бы поврежден двигатель – мой проект невыполним.

– Какой проект? – спросил лейтенант Форстер.

Чертежи аэроплана находились еще на столе. Ему все объяснили.

– Я надеюсь, что вы возьмете меня с собой! – воскликнул он тотчас. – Таким образом я присоединюсь к своему броненосцу.

– Будьте уверены, – сказал Морис Рембо, – но знакомы ли вы с механизмом двигателя?

– Не менее, чем с торпедой Смита, меня считали патентованным минером. Знаете ли вы, что, находясь на суше, я считаю большим счастьем управлять «шестьюдесятью лошадьми» на полном ходу. Двадцать лет тому назад морские офицеры, высадившись на берег, торопились прежде всего нанять в манеже лошадь и кататься на ней без стремян. Немного позже они взяли за бициклетку. В настоящее время они идут за прогрессом и устраиваются у руля автомобиля... завтра – они займутся аэропланом. Я же готов это сделать сегодня... Если вам нужен шофер – я подписываюсь...

– Когда какой-либо проект должен осуществиться, – сказала улыбаясь девушка, – то всегда вовремя Провидение ниспосылает нужного человека. Господин Форстер явился кстати, для того чтобы вы не могли, взяв с собой Кердока, осуществить выбор, который мне не по душе по непонятной для меня причине.

– Женское предчувствие, мисс! Мы лишены этого чувства, – сказал американский лейтенант. – Мне это хорошо известно и не пришлось никогда сожалеть, когда я покорялся благоприятным или неблагоприятным впечатлениям, произведенным на госпожу Форстер кем-либо из окружающих людей. Советую вам поступать так же, когда вы будете женаты, мой друг...

Морис Рембо ничего не ответил. Его глаза в третий раз встретились с глазами девушки, и Кэт Гезей, краснея, старалась скрыть свое замешательство, рассматривая в глазок чугунной ставни два японских броненосца, которые, стоя на гладком и спокойном море, прорезали горизонт двойным огнем своих тяжелых орудий.

Глава 6

Звездный флаг

Менее чем через час после выраженного майором согласия весь персонал столяров и слесарей маленькой крепости был предоставлен в распоряжение французского инженера.

Все уже знали, что им предстоит осуществить.

Страшное любопытство охватило всех сто сорок защитников Мидуэя.

Эти люди, отрезанные на скале, которую им приходилось защищать, были совершенно обессилены одиночеством, в котором они очутились окончательно, после прекращения телеграфного сообщения.

Они переживали снова те времена, когда известия с континента получались на Гавайских островах только через два-три месяца, когда проходили мимо английские или голландские парусные суда, направляясь на Зондские острова. Одной из главных причин угнетенности, наиболее опасной для гарнизона, является отсутствие известий о внешних событиях для людей, привыкших ежедневно, моментально получать по проволоке краткий перечень всех великих и малых событий на земном шаре. И майор Гезей, не веря в возможность осуществления проекта молодого француза, был доволен, что дал ему средства для этого, чувствуя, какой расцвет надежды наступил после уныния, царившего накануне.

И в самом деле, все, находившиеся там, от первого офицера до последнего капонира, решились на беспощадную борьбу за сохранение для родины, Америки, этого скалистого утеса, необходимого для ее эскадры, как кислород для дыхания.

Но чего можно ждать, если там, на континенте, не будут извещены как можно скорее и если тотчас не будет оказана помощь?

В какой срок может явиться эта помощь?

Этот вопрос задавал себе каждый после того, как распространилась весть о роковых повреждениях водоемов.

Все знали, что вследствие возникших между правительством микадо и правительством Белого дома новых затруднений по вопросу об эмиграции – американский флот во второй раз обогнул мыс Горн. Флот перешел из Атлантического океана в Тихий, на этот раз не для того, чтобы совершить второе кругосветное плавание и поднять в глазах всех престиж своих моряков, а чтобы наконец занять прекрасный морской порт Окленд, превращенный американцами менее чем в четыре года в грозный военный порт.

Отныне Соединенные Штаты владели укреплением, находившимся напротив Японии и снабженным всем составом современных больших арсеналов: доками, верфями, провиантскими складами и литейными мастерскими.

Под такой защитой американские прибрежные области Тихого океана стали неприступными, и многие янки требовали, чтобы покончили с Японией, лишь только все будет готово, то есть в будущем году.

Но империя микадо с решительностью, обнаруженной ею при атаке броненосцев Порт-Артура, до объявления войны – не дождалась назначенного противниками срока. Она грубо опустила свою желтую руку на желанную добычу – Гавайские острова, прежде чем эскадры Тихого океана добрались до Сан-Франциско.

31 мая, когда был перерезан кабель, американский флот покинул Каллао и берега Перу, следовательно, в настоящее время он находился, вероятно, около Панамы, и только не раньше как через девять дней может добраться до Окленда.

Если допустить, что перерыв кабеля и многочисленные признаки неприятельских действий, дошедшие до них различными путями, заставили флот увеличить скорость, то он все-таки не может быть в Сан-Франциско раньше 15 или 16 июня.

Поэтому, если бы аэроплан удалось окончить в шесть-семь дней, то есть 12 или 13 июня, – он мог бы в одни сутки добраться до Гонолулу и оттуда предупредить Сан-Франциско накануне прибытия эскадры.

От механической птицы ждали только того, что она долетит до больших островов, где, быть может, еще действовал беспроволочный телеграф.

Допустив, что кабель перерезан между Сан-Франциско и Гонолулу, точно так же, как между Гонолулу и Мидуэем, допустив даже, что Гонолулу находится в руках японцев, то, несомненно, на самом большом Гавайском острове, расположенном дальше на 300 километров, найдется еще не тронутая станция беспроволочного телеграфа, поддерживающего сообщение с континентом.

Все эти вычисления, все комбинации, страстно обсуждавшиеся в гарнизоне с тех пор, как стал известен проект французского инженера, – наполняли все сердца надеждой.

Если эскадра будет осведомлена и поэтому будет уверена, что найдет в Мидуэе уголь, – она прибудет через семь-восемь дней, и можно надеяться увидеть 22 или 23 июня на востоке ее дымок.

22 или 23 июня – это именно день, когда иссякнет запас воды.

Еще придется сократить ее потребление, так как при нормальном положении ее хватит только до 20 июня.

Нельзя было терять ни минуты, и нетерпеливые, взволнованные механики и рабочие ждали, когда им поручат работу по постройке аэроплана.

Но что стало с главной частью аэроплана, с двигателем, подвергавшимся в продолжение тридцати шести часов действию японских снарядов?

Нечего было пробовать, нечего начинать, прежде чем будет дан ответ на этот мучительный вопрос. Морис Рембо упрекал себя в том, что не попросил у майора Гезея разрешения взять в крепость свою лодку, раньше чем рассказать ему о своем проекте.

Но этот упрек был не заслужен им, так как комендант, очень щадивший жизнь вверенных ему людей, пока долг не заставит его пожертвовать всеми, вместе взятыми, – не позволил бы рисковать жизнью даже одного человека для того только, чтобы ввести в крепость обломки аэростата, бесполезного для защиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.